

УДК 327.56

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-8-60

**Комлева Н.А.¹, Валиахметова Г.Н.¹, Грибанова Г.И.², Радиков И.В.³,
Сарабьев А.В.⁴, Манойло А.В.⁵, Абрамов А.В.⁶, Саймонс Г.⁷**

¹Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

²Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

³Санкт-Петербургский государственный университет

⁴Институт востоковедения Российской Академии наук (г. Москва)

⁵Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

⁶Московский государственный областной университет

⁷Университет Упсала (г. Упсала, Швеция)

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ЭТАП ПРОЦЕССА ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Аннотация. В ходе «круглого стола», организатором которого выступили редакция журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» и Московское областное отделение Российского общества политологов, состоялось обсуждение причин и возможных геополитических последствий современного сирийского кризиса. Участники круглого стола сосредоточили свое внимание на вопросах о причинах и основных участниках конфликта, об энергетической и конфессиональной подоплеке событий в Сирии, на адекватности отражения участия России в Сирийском конфликте в мировых средствах массовой информации. В ходе «круглого стола» внимание было уделено запрещенной на территории РФ террористической организации ИГИЛ (ИГ), а также рассмотрены в контексте Сирийских событий вопросы цветных революций «Арабской весны» и распада современной системы международной безопасности. В обсуждении приняли участие политологи Н.А. Комлева, Г.Н. Валиахметова (Екатеринбург), Г.И. Грибанова, И.В. Радиков (Санкт-Петербург), А.В. Сарабьев, А.В. Манойло, А.В. Абрамов (Москва), Г. Саймонс (Упсала, Швеция).

Ключевые слова: Сирийский кризис, Большой Ближний Восток, терроризм, «Исламское государство», национальные интересы России

***N.A. Komleva¹, G.N. Valiakhmetova¹, G.I. Gribanova², I.V. Radikov³,
A. V. Sarabjev⁴, A.V. Manoylo⁵, A.V. Abramov⁶, G Simons⁷***

¹Ural Federal University, named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

²Russian State Pedagogical University, named after A.I. Herzen, St. Petersburg

³Saint Petersburg State University

⁴The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

⁵Moscow State University named after M.V. Lomonosov

⁶Moscow State Regional University

⁷Uppsala University, Uppsala, Sweden

SYRIAN CRISIS AS A STAGE OF LARGE MIDDLE EAST REFORMATTING (ROUND TABLE)

Abstract. During the round table discussion organized by the editorial staff of the academic journal «Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History And Political Sciences»

and Moscow branch of Russian Society of Politologists the reasons and possible geopolitical consequences of the modern Syrian crisis were discussed. The participants concentrated on the issues of reasons and main parties to the conflict, as well as on the energy source and confessional background of the events in Syria. The adequacy of depicting by mass media the participation of Russia the Syrian crisis was also discussed. The activities of prohibited in Russia ISIS were paid attention to during the round table. Besides, the issues of the colour revolutions of "Arab Spring" and the disintegration of the modern system of international security were scrutinized through the context of the events in Syria

The politologists N.A. Komleva, G.N. Valiakhmetova (Ekaterinburg), G.I. Griбанова, I.V. Radikov (Saint Petersburg), A. V. Sarabjev, A.V. Manoylo, A.V. Abramov (Moscow), G Simons (Uppsala, Sweden) took part in the discussions.

Key words: Syrian crisis, Large Middle East, terrorism, "Islamic State", national interests of Russia

Абрамов А.В.

Вступительное слово

Не будет большим преувеличением заметить, что вторая половина 2015 г. прошла под знаком Сирийского кризиса.

Единогласное решение Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 сентября 2015 г. разрешить Президенту использовать российскую авиацию для действий против террористического «Исламского государства» (далее: ИГ)¹ в Сирии и последовавшие за этим решением успешные действия Воздушно-космических сил России по уничтожению инфраструктуры и боевой силы террористов изменили политическую ситуацию в мире.

Здесь, впрочем, следует отметить, что сирийская тема возникла в международной повестке дня не вчера, также как не вчера была сформулирована и позиция России. Еще в сентябре 2013 г. Президент России В.В. Путин опубликовал в американской газете «Нью-Йорк таймс» статью, обращенную (беспрецедентный случай!) к аме-

риканскому народу со своими предложениями по недопущению эскалации Сирийского конфликта [40]. Речь тогда шла о возможности бомбардировок Западом позиций сирийского правительства под предлогом того, что последнее применяет химическое оружие. По мнению экспертов, Россия сыграла в 2013 г. положительную и конструктивную роль в Сирийском кризисе, предотвратив обострение конфликта. Символическим свидетельством этого стало звание «международный человек года», присужденное Президенту России британским журналом «Тайм».

Вместе с тем, гражданская война в Сирии не прекратилась, так же, как не прекратились и попытки США и их союзников свергнуть режим Б. Асада посредством оказания финансовой и военно-технической помощи «умеренной оппозиции». Результатом такой «помощи» стало разрастание территории, подконтрольной международным террористам из ИГ до угрожающих размеров. В этих условиях Россией и было принято решение о применении

¹ Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

авиации в Сирии по просьбе ее законного правительства.

Таким образом, в 2015 г., перебросив в Сирию и развернув в кратчайшие сроки военную технику, обеспечивающую эффективную работу Воздушно-космических сил, Россия на Ближнем Востоке подтвердила свой нынешний статус крупного геополитического игрока.

При этом объяснения вмешательства России в Сирийский конфликт желанием сохранить режим «диктатора» Б. Асада или стремлением вывести нашу страну из «геополитического одиночества», в котором она оказалось в результате украинского кризиса в 2013–2014 гг., следует признать крайне примитивными.

Внешняя политика современной России представляется подобной игре в шахматы на множестве досок одновременно. Очевидно, что операция России в Сирии это и борьба с международным терроризмом (в лице ИГ), тянущимся к странам Центральной Азии и российскому Северному Кавказу; и усиление российского военного присутствия в Средиземноморье; и недопущение возможности строительства через территорию Сирии газопровода из Катара в Европу, который, без сомнения, ухудшит экономическое положение России, наполняемость бюджета которой в значительной степени зависит от экспорта газа, и решение ряда других задач.

В этой связи объяснение причин Сирийского кризиса личностными конфликтами Б. Обамы с В. Путиным, В. Путина с Р. Эрдаганом и т.п. можно трактовать как сознательное отвлечение общественного внимания от сути современной внешней политики: от

вопросов о столкновении национальных интересов стран в XXI в., о кризисе однополярного миропорядка. Такая подмена легко объяснима, если принять тот факт, что современному Западу не нужны аналитики, ему требуются солдаты для ведения информационной войны «на восточном фронте».

Тем важнее представляется тема нашего «круглого стола», ставящего перед собой задачи разобраться в причинах и возможных последствиях Сирийского кризиса, извлечь из него уроки, проанализировать его значение для международных отношений, внешней и внутренней политики России.

Комлева Н.А.

Сирийский кризис: основные причины и участники

События, которые принято называть Сирийским кризисом, т.е. жесткая гражданская война в современной Сирии (2011 г. – по н.вр.), сопровождающаяся непрерывным внешним давлением, определены генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном как угроза не только региональной, но и международной безопасности [12]. Эти события порождены различными причинами: геополитическими, социальными, религиозными, этнополитическими. Рассмотрим основные.

Причины Сирийского кризиса

Целенаправленное разрушение государственности современной Сирии находится в тренде реформирования всего региона Большого Ближнего Востока (ББВ)¹. С чем это связано?

¹ Термин существует с 1980 г. В 2006 г. в

Первое. ББВ – это львиная доля углеводородов Евразии и Африки. Контроль их добычи и транспортировки – это гарантия исключительного влияния на экономику стран потребления. Основные потребители углеводородов ББВ – это Евросоюз, Китай, Япония. Эти центры силы современного мира именно в качестве таковых являются геополитическими соперниками США, которые на протяжении последней четверти века позиционируют себя в качестве единственного глобального гегемона [14, с. 71, 73, 95]. Глава частной аналитической компании Stratfor Дж. Фридман отмечает, что «в Евразии США проводят, в сущности, одну политику – политику предотвращения установления господства любой державы над Евразией или её частью» [51, с. 158]. Каким образом, возможно надёжно притормозить развитие державы, которая является геополитическим противником? Прежде всего – взяв под контроль энергию, необходимую для этого развития, в данном случае – основной энергоноситель, т.е. углеводороды. Сирия – это, во-первых, значительные (вместе с разведанными) запасы нефти и газа, а во-вторых, важные транзитные трубопроводы, соединяющие месторождения региона с потребителями в Европе. Кроме того, переформатирование ББВ, проходящее в жёсткой форме провоцирования гражданских войн и «гу-

американской политической и научной традиции был заменён термином «Новый Ближний Восток», однако в европейской традиции преимущественно употребляется «Большой Ближний Восток», включающий страны Северной Африки, «традиционного» Ближнего Востока, Среднего Востока и Центральной Азии, а также страны Закавказья (Южный Кавказ).

манитарных интервенций», вызвало вал беженцев – прежде всего, в страны Европы. Необходимость принять сотни тысяч беженцев с Ближнего Востока является значительным испытанием для социальной политики, экономики, а главное – для социального мира в странах Евросоюза. Гражданская война в Сирии добавляет свои потоки к общей реке беженцев.

Второе. К этой цели, т.е. контролю основных центров силы Евразии, добавляется одна, исключительно внутренняя, цель США – сохранение высокого уровня потребления, или, как определяет это Зб. Бжезинский, «гедонистический релятивизм – без глубоких убеждений, без трансцендентального сознания, с хорошей жизнью, определяемой главным образом промышленным индексом Доу Джонса и ценой бензина» [9, с. 40, курсив наш – Н.К.]. В связи с этим контроль глобальных ресурсов развития со стороны США, в том числе в регионе ББВ, становится настоящей необходимостью.

Третье. Основные владельцы углеводородов ББВ – это турки, арабы, персы. Указанные этносы, политически оформленные различными государствами, являются политическими и экономическими соперниками на протяжении многих веков. К этому добавляется и религиозное различие: персы – шииты, арабы и турки – сунниты. «Разделять и властвовать» на такой основе – с целью прочного контроля ресурсов ББВ – не составляет слишком большого труда. Однако реальным препятствием такого внешнего контроля на протяжении почти полувека являлись властвующие кланы ключевых стран

ББВ, прежде всего – клан Х. Мубарака в Египте, клан М. Каддафи в Ливии, клан Асадов в Сирии, клан С. Хусейна в Ираке. Заметим, что три последние страны, хоть и различным способом, вплоть до последнего времени реализовали принципы «арабского социализма», который, в частности, предполагал национализацию основных природных богатств и банковского сектора. Изменение политической системы и, соответственно, экономической политики указанных выше стран являлось насущной задачей «мирового гегемона» и его геополитических союзников, действовавших, прежде всего, в интересах своих глобальных корпораций. Война в Ираке (2003–2014 гг.) показала сложность, в том числе из-за репутационных потерь, ведения боевых действий в этом регионе. Зб. Бжезинский отмечал, что, учитывая специфику ББВ, «Соединённым Штатам пришлось бы провести всеобщую национальную мобилизацию, чтобы они могли одержать военную победу только благодаря своей военной мощи» [9, с. 133]. Применение силовых актов несистемной оппозиции, совершаемых для подрыва правящих режимов, блокировалось введением чрезвычайного положения в ряде ключевых стран ББВ и его сохранением на многие годы. В этих условиях в самом начале 2010-х гг. в ББВ было применено геополитическое оружие, успешно опробованное в Югославии в 1999–2000 гг. и получившее применительно к ББВ наименование Арабской весны: серия «цветных революций», которые под предлогом «народного гнева против коррумпированного режима» должны были снести – и в ряде стран действительно снесли – именно те самые кланы, которые на-

дёжно держали в руках природные богатства и экономику своих стран, препятствуя массивной иностранной экспансии [9, с. 65, 119, 120; 12]. «Демократия становится подрывным оружием, дестабилизирующим статус-кво, она ведёт к вооружённой интервенции, которую в дальнейшем оправдывают тем, что демократический эксперимент провалился, и экстремизм, вызванный таким провалом, узаконивает одностороннее применение грубой силы» [9, с. 135–136]. По нашему мнению, события Арабской весны являются, прежде всего, технологией ресурсного передела мира и поощряются, главным образом, глобальными корпорациями. «Контролируемый хаос» цветных революций, к тому же, применительно к региону ББВ, позволяет сдерживать экономический рост стран Магриба и MENA (Middle East North Africa), сохраняя их лишь в роли сырьевых придатков основных глобальных игроков, прежде всего, США [52]. Один из главных признаков «цветных революций» это требование немедленной отставки главы государства, который объявляется «кровавым диктатором», если предпринимает полицейские или военные операции против «повстанцев», или «коррумпированным диктатором», если таковых действий он не предпринимает. Этот ярлык является единственным обоснованием необходимости смены главы государства, а часто – вообще единственным «программным положением» оппозиции. Ни на какие уступки по этому вопросу «оппозиционеры» никогда не идут. «Сирийская оппозиция» главным образом и выдвигает именно требование немедленной и безоговорочной отставки «кровавого тирана» Башара

Асада. Чёткая, проработанная программа социальных и экономических реформ у «сирийской оппозиции» отсутствует.

Четвёртое. Для закрепления своего контроля над ББВ США, как глобальная сверхдержава, должны иметь в регионе прочное военное присутствие. Это возможно лишь при условии наличия постоянной и чётко выраженной угрозы, желательного общерегионального или даже глобального характера. При реформировании ББВ и, в частности, государственности Сирии, такой угрозой объявляется исламский экстремизм: вначале «Аль-Каида» в целом, а теперь – её ближневосточный филиал «Исламское государство». Отметим, что начало гражданской войны в Сирии практически совпадает по времени со следующими событиями: в феврале 2011 г. объявлено о частичном разрушении структур и влияния «Аль-Каиды», в мае того же года американскими «морскими котиками» был физически ликвидирован её глава Усама бин-Ладен. В июне-июле 2011 г. массовые антиправительственные выступления в Сирии, начавшись в марте, переросли в полномасштабную гражданскую войну, к которой в 2013 г. и подключилось «Исламское государство» (ИГ)¹. ИГ отличается от

¹ На тот момент – «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), образовалось в 2013 г. путём слияния иракского отделения «Аль-Каиды» «Исламское государство Ирака» (год создания – 2006) и сирийского филиала «Аль-Каиды» под названием «Джебхат ан-Нусра». В русле общего тренда турбулентности взаимоотношений внутри и между исламистскими группировками, ИГ то подчиняется, то заявляет о самостоятельности в отношении «Аль-Каиды», то объединяет в своем составе «Исламское государство Ирака» и «Джебхат ан-Нусра», то эти организации выступают как самостоятельные.

«классической» «Аль-Каиды» тем, что существует, по крайней мере, официально, не на «спонсорские взносы», а на базе самостоятельной квази-экономики: незаконная добыча и продажа нефти, торговля людьми, а также торговля древними артефактами из захваченных археологических памятников. Под предлогом противостояния исламскому экстремизму и терроризму США и их сателлиты имеют возможность постоянно вмешиваться во внутренние дела стран региона, в том числе и в форме «бесконтактной войны»², меняя по мере необходимости режимы, сходные по социальной сути, и добиваясь тем самым уступчивости вновь приходящих элит, их лояльности в отношении осуществления Западом реального контроля над нефтяными и водными богатствами их стран. Второй аспект деятельности ИГ в Сирии – это существование ИГ в рамках общего тренда западного покровительства экстремистским организациям, используемым в качестве тарана, разрушающего государственность определённых стран. Тренд сложился на протяжении второй половины прошлого – первых десятилетий текущего века и был отработан в так называемых лимитрофных войнах [26]. Сирийский кризис и есть современная форма лимитрофной войны. Третий аспект деятельности ИГ в Сирии – разрушение материальных памятников древних культур Месопотамии с неартикулируемой, но чётко отработанной целью последующего изменения самоидентификации народов, проживающих на территории

² «Бесконтактная война» исключает применение сухопутных войск и осуществляется преимущественно с использованием авиации.

Междуречья. Народы лишаются их же собственной материально ощущаемой истории, а затем «дело техники» внушить им через переписывание истории, т.е. посредством публикации соответствующих научных монографий, учебников, публицистических статей и выступлений, ту трактовку исторических событий, которая необходима для их превращения из носителей древних основ культуры и цивилизации всего человечества в исторических неудачников и бесплодных потребителей «высокой культуры» западных этносов.

Участие основных региональных держав

Основные интересы владельцев углеводородов ББВ – тюрок, персов и арабов – представляют прежде всего такие региональные державы, как Турция, Иран и Саудовская Аравия. В Сирийском кризисе их роль очень высока.

Иран как «шиитская сверхдержава» [14] заинтересован в поддержке шиитов во всём так называемом «шиитском полумесяце», или «Большом Иране»¹, куда в качестве ключевой страны входит Сирия. Сирийское государство по преимуществу возглав-

¹ В настоящее время шииты составляют абсолютное большинство населения Ирана, Азербайджана и более половины населения Ирака и Бахрейна. Значительная часть жителей Ливана, Йемена, Пакистана, Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана — шииты. Иногда совокупность этих стран называют «Большой Иран», что является больше метафорой, чем отражением степени реального влияния шиитского Ирана на политику данных государств. Шиитские общины имеются практически во всех мусульманских странах. При этом сам по себе шиизм существует в нескольких формах.

ляется религиозной шиитской группой алавитов², хотя сам президент Б. Асад принял суннитскую форму исповедования ислама в стремлении разрешить кризис в стране и смягчить таким образом политику ИГ (в религиозном плане является суннитским образованием), а также воздействовать в позитивном для Сирии ключе на позицию в Сирийском кризисе таких суннитских стран, как Турция и Саудовская Аравия. Возглавляемая шиитами Сирия является государством-опорной базой Ирана на Ближнем Востоке. Сирия – второй после Ирана спонсор базирующейся в Ливане проиранской «Хезболлы», провозгласившей основной целью создание в Ливане теократического государства по примеру Ирана. Сирия заинтересована в продолжении антиизраильской деятельности этой организации. Таким образом, через совместную поддержку «Хезболлы» образовался стратегический союз Сирии и Ирана, или, как его ещё называют, ось Дамаск – Тегеран (2005 г.) [47], обусловивший в настоящий момент поддержку Ираном Сирии в её противостоянии «Исламскому государству», признанному на международном уровне террористической организацией. В 2011 г. эти государства заключили военный союз и обязались оказывать военную помощь друг дру-

² Алавиты составляют от 10 до 12% населения Сирии. Учение алавитов сложное и совмещает черты нескольких религий. Алавиты были признаны мусульманами и шиитами: в 1973 г. – фетвой ливанского имама-двунадесятника Мусы ас-Садра, в 1982 г. – специальной фетвой аятоллы Р.М. Хомейни. Ряд шейхов алавитских племён Ливана заявили о принадлежности алавитского учения к шиизму в июле 1936 г. (в декабре того же года Государство Алавитов, созданное в 1922 г., было присоединено к Сирии).

гу в случае нападения на одну из стран [31]. В рамках данного оборонительного союза Иран осуществляет переброску военной техники и живой силы в Сирию, подвергшуюся агрессии террористического Исламского государства. По иранским оценкам, Дамаск является сегодня «золотым звеном цепи сопротивления Израилю», а значит, косвенно, является важным элементом противодействия планам США в регионе. В случае падения режима Б. Асада шиитский анклав Леванта, который сейчас держится на усилиях «Хезболлы», будет отрезан от канала внешней поддержки. Кроме того, поражение Сирии усилит агрессивное давление на шиитское меньшинство в целом ряде арабских монархий [37]. «Сирия является стратегической глубиной Ирана, и за Дамаск мы будем сражаться так же ожесточённо, как если бы враги атаковали Тегеран», – заявляют в Корпусе стражей исламской революции» [3, с. 63, 64]. Осенью 2015 г. фактически сложилась антитеррористическая коалиция, объединившая Иран, Ирак, Сирию и Россию в противостоянии «Исламскому государству» на территории Сирии. В Багдаде (Ирак) был создан координационный центр, призванный согласовывать усилия всех четырёх названных государств в их совместных операциях, в том числе и военных, против «Исламского государства». Снятие в июле 2015 г. санкций с Ирана, чему в значительной степени способствовала Россия, позволило привлечь Иран в качестве стороны сирийского урегулирования осенью текущего года.

Саудовская Аравия, как известно, – это жёсткий противник Ирана, что обусловлено следующим. Иран и Саудовская Аравия проводят полярную

внешнюю политику. Если Иран чётко заявляет о своей антиимпериалистической и антиколониалистской линии внутри страны и на международной арене, то Саудовская Аравия является верным союзником США. Саудиты – в подавляющем большинстве сунниты, иранцы – в подавляющем большинстве шииты. Органы высшей политической власти Ирана построены по принципу теократии, органы высшей власти Саудовской Аравии – по принципу семейственности (государством с начала образования королевства правит одна и та же разветвлённая семья). Страны являются соперниками на рынке углеводородов. Интерес саудитов в Сирийском кризисе состоит, прежде всего, в разрушении второго после Ирана основного звена «шиитского полумесяца» и в ликвидации возможности поддержки Ираном и Сирией «шиитской революции» в своей Восточной провинции, населённой преимущественно шиитами. Восточная провинция – это основные нефтяные поля королевства. Существует мнение, что имеется вероятность создания федерации самопровозглашённых шиитских арабских республик с огромным населением, численностью не менее 50 млн. чел., на части территорий Ирака, Ливана, Кувейта, Катара, ОАЭ, Бахрейна, Омана, Йемена, а также в Восточной провинции, в Наджране и Асире в Королевстве Саудовская Аравия. Запасы углеводородов в этой гипотетической федерации шиитских государств, а также углеводороды Ирана составят большую часть нефтяных и газовых богатств Персидского Залива и даже всего Ближнего Востока. Это шиитское государство, если оно когда-нибудь будет реально созда-

но, протянется вдоль всего западного берега Персидского залива, превратив его, если учитывать территорию шиитского Ирана, во внутреннее «шиитское море» [54]. При этом надо учитывать, что ещё аятолла Хомейни объявил нефть основным антиимпериалистическим и антиколониальным орудием всех мусульман. Так что переход большей части нефтяных и газовых месторождений и основных трубопроводов в руки шиитов при лидерстве Ирана означает обращение углеводородов ББВ в средство борьбы с основными державами Запада. КСА вооружает «сирийскую оппозицию» через дружественные суннитские племена в Ираке и Ливане [53] и настаивает на безоговорочном уходе президента Б. Асада. Саудовская Аравия поддерживает сирийскую оппозицию не только оружием, но и финансами, разведанными, наемниками. Сирийские власти утверждают, что в ходе боевых действий в числе погибших со стороны оппозиции были офицеры регулярной саудовской армии. (Те же действия в отношении Сирии осуществляют и Иордания, ОАЭ, Катар, Бахрейн.) В августе 2015 г. Саудовская Аравия выдвинула инициативу, в соответствии с которой она и другие страны Персидского залива прекратят поддерживать сирийскую оппозицию в ответ на то, что Иран, «Хезболла» и шиитские группировки уйдут из Сирии [5].

Турция. Турецкий интерес в Сирийском кризисе в значительной степени определяется необходимостью решить проблему стремления турецких курдов к независимости и образованию собственного государства. Курдские территории – это почти все запасы углеводородов Турции, а также нит-

ки трубопроводов с иранским и азербайджанским газом для Турции и Европы. Турецкое правительство не раз жёстко реагировало на выступления курдов. Курды живут на территории пяти государств ББВ, и идея независимого Курдистана является их мечтой уже многие годы. Сирийские курды фактически добились независимости от правительства Дамаска, провозгласив в 2012 г. своё государство Западный Курдистан [29]¹, что явилось «демонстрацией флага» для курдской общины Турции, подогретой также фактической независимостью иракских курдов. Помимо всего прочего, суннитскую Турцию больше устроила бы Сирия, возглавляемая суннитами (подавляющая часть «сирийской оппозиции»), а не шиитами. Не стоит забывать также и то, что Турция – страна НАТО, и внятно обоснованные столкновения турецкой армии с сирийской могли бы способствовать включению НАТО в Сирийский кризис на основании Устава НАТО, превратив действия «международной коалиции»² западных стран и их союзников в Сирии в законные. Указанные причины

¹ При этом необходимо подчеркнуть, что сирийские курды, как и вообще курдский этнос, разобщены, в их среде действуют политические партии и движения, придерживающиеся различной, подчас противоположной, ориентации. Однако сирийские курды в 2012 г. создали объединение основных политических партий и организаций – Высший совет курдов Сирии, выступающий от имени всего курдского этноса Сирии с едиными требованиями.

² «Международная коалиция», созданная США и их союзниками по НАТО в 2014 г. с объявленной целью противостояния ИГ, включает около 60 стран. Кроме осуществления собственно военной операции, проводящейся средствами авиации, оказывается также гуманитарная и военно-техническая помощь «сирийской оппозиции, борющейся против ИГ».

побуждают Турцию способствовать переправке оружия для «сирийской оппозиции» через свою территорию и предоставить военную базу Инджирлик для самолётов «международной коалиции».

Катар. Катар является основным спонсором и защитником «Исламского государства» как террористической структуры. Катар всемерно заинтересован в транзите газа, добываемого как на собственной территории, так и совместно с Ираном на месторождении Южный Парс, в Европу через транссирийские газопроводы. Однако асадовская Сирия не допускает строительства катарского газопровода по своей территории и ограничивает прохождение катарского газа через уже имеющиеся в Сирии трубопроводные системы, исходя при этом из интересов своего геополитического союзника, Ирана, которому конкуренция с возрастающими объёмами катарского газа на рынках ЕС была бы не выгодна. Кроме того, целью небольшого по территории, но крайне амбициозного эмирата является, по словам его нынешнего правителя, «занятие Катаром лидирующих позиций в исламском и арабском мире, на которое династия ат-Тани имеет больше прав, чем кто-либо другой» [39]. По этой причине в общестратегическом плане катарцы явно готовы пойти на любую дестабилизацию обстановки практически независимо от издержек. Претензии правящей династии на «лидирующие позиции в исламском и арабском мире» могут быть реализованы только при радикальной его перекройке, и в Дохе это осознают.

В Сирийском кризисе есть и ещё один участник, о котором не говорят

так громко, как о Турции, Саудовской Аравии и Иране. Это *Израиль*. Израиль, вопреки распространённому заблуждению относительно его бедности ресурсами, обладает достаточно большими запасами газа. Израиль в последние десятилетия активно вкладывал средства в геологоразведку и обнаружил три месторождения, имеющие промышленные экспортные запасы газа. И вот на арену выступает «Хезболла», поддерживаемая Ираном, Ливаном и Сирией, и угрожает терактами на израильских месторождениях... Помимо этого, транспортировка израильского газа в Европу требует включения Израиля в сеть трансарабских и транссирийских газопроводов, что было бы затруднительно осуществить при прежних режимах в Ираке и Сирии без определённых уступок Израиля арабам в вопросах статуса Палестинской автономии и еврейских поселений на некогда оккупированных Израилем арабских землях. Главное же – не в газе и газопроводах, хоть это и важный фактор наращивания влияния Израиля в регионе и в мире. По нашему мнению, Арабская весна и конкретно Сирийский кризис дали Израилю долгожданный шанс обезопасить свои границы с арабскими государствами, напряжённые после войн 1967 и 1973 гг., смягчить проблему Палестинской автономии и всех «политически распалённых арабских масс» [10, с. 150]. Если режимы в приграничных государствах становятся вполне проамериканскими и прозападными, т.е. лояльными и к Израилю, то в соседних с Израилем странах практически некому будет на государственном уровне поддерживать ни требование «земли в обмен на мир», обращённое

к Израилю, ни арабские или проиранские экстремистские организации, деятельность которых направлена против Израиля, ни израильских палестинцев. Войны Израиля и арабских государств прекратятся если не навечно, то очень надолго, а возможности экономического и политического влияния на соседей увеличатся. Особое беспокойство еврейскому государству доставляла Сирия и поддерживаемые ею экстремистские организации: «Хезболла» в Ливане, палестинские группировки ХАМАС, «Исламский джихад». Представительства этих организаций в течение нескольких лет открыто действовали на территории Сирии. Поэтому участие Израиля в Сирийском кризисе – не скрытое, как участие саудитов и катарцев, но открыто-агрессивное, как в плане «точечных» военных ударов (ракетные удары с воздуха по объектам на сирийской территории в мае 2013 г., которые, предположительно, были направлены против доставленных из Ирана ракет «Фатех-110», предназначенных для боевиков «Хезболлы»), так и в аспекте политического влияния.

Россия. Россия трижды оказывала существенную помощь сирийскому государству: 1) сыграв в 2013 г. основную роль в урегулировании вопроса с сирийским химическим оружием и сняв таким образом предлог для «гуманитарной интервенции» в Сирию по образцу югославской; 2) инициировав проведение в Москве переговоров между представителями сирийской оппозиции и сирийских официальных властей в январе 2015 г. для поиска возможного компромисса; 3) оказав авиационную поддержку сирийской армии в наступлении на позиции ИГ

осенью 2015 г., при этом РФ, в отличие от «международной коалиции» стран Запада в Сирии, действует на законных основаниях, базой для которых служит официальная просьба главы сирийского государства. РФ в Сирии решает следующие задачи: 1) установление мира в регионе, недопущение бойцов ИГ на территорию России с последующим разворачиванием партизанских действий по образцу «чеченских войн» рубежа XX–XXI вв.; 2) спасение христианства в Сирии (в Дамаске расположены три Патриархата: Греческой Православной Церкви, Греко-Католической Церкви и Сирийской Католической Церкви, их главы носят исторический титул Патриархов Антиохийских и Всего Востока, на территории Сирии находятся важные христианские святыни и монастыри, 12 из 22 религиозных общин Сирии относят себя к христианам [4]); 3) Россия в Сирии защищает духовные основы цивилизации в целом. В Сирии Россия сделала весомую заявку на духовное лидерство в процессе создания многополярного мира, сформулировав его основные пункты в Валдайской речи В.В. Путина 22 октября 2015 г. Глобальному единоличному лидерству США приходит конец, ясно обозначенный Россией в Сирии. «Раньше мощь Америки считалась легитимной, потому что она так или иначе идентифицировалась с основными интересами человечества. Сила, которую считают незаконной, по самой своей сути слабее, потому что её применение требует более значительных ресурсов для достижения желаемого результата <...> Теперь глобальное лидерство должно сопровождаться социальной сознательностью, готовностью к ком-

промиссам, <...> культурной привлекательностью, не сводящейся к гедонистскому содержанию, и подлинным уважением к разнообразным человеческим традициям и ценностям» [9, с. 128, 186]. Президент России в своей Валдайской речи 2015 г. сформулировал и пан-идею этого многополярного мира: осуществление идеалов духовности, уважения равенства народов и суверенитета их государств.

Таким образом, Сирийский кризис, являясь формой лимитрофной войны, находится в общем тренде передела лимитрофов сверхдержав недавнего прошлого (США и СССР), но уже с «возвратным движением» России в свои прежние лимитрофы, её заявкой на статус великой державы современности и духовного лидера формирующегося многополярного мира.

Грибанова Г.И.

«Исламское государство» как новая форма терроризма XXI века

Терроризм, как форма политического насилия, сопровождает человечество на протяжении почти всей его истории. Однако, в зависимости от конкретно-исторической ситуации, он приобретает определённые специфические характеристики, которые должны облегчить достижение соответствующей террористической организацией своих политических целей. Сегодня уже очевидно, что терроризм XXI века, сохраняя свою общую для терроризма как такового сущность, становится всё более опасным, благодаря использованию новых форм и методов, ставших возможными именно в эпоху глобализации и господства

информационно-коммуникационных технологий. Ярким примером такого «инновационного подхода» к терроризму может служить организация «Исламское государство», представляющая собой одну из главных угроз мировой безопасности.

С одной стороны, ИГ – классический вариант террористической организации, поскольку обладает следующими типичными для терроризма признаками:

– **политическая мотивация** террористической деятельности, осуществление её в определённых политических целях;

– **целенаправленное использование насилия или угрозы его применения** в качестве основного метода своей стратегии для запугивания, формирования в обществе чувства страха;

– **«идейный абсолютизм»**, убеждение в обладании единственной высшей, окончательной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа или даже всего человечества [18, с. 20].

В то же время, как и другим террористическим группировкам конца XX – начала XXI в., ему присущ ряд новых характеристик, главными из которых, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, это готовность для достижения своих целей использовать оружие массового поражения. Первый факт использования такого рода оружия был зафиксирован в марте 1995 г., когда японская террористическая организация «Аум Синреке» осуществила зариновую атаку в токийском метро. Интересно отметить, что ещё в 1970-е гг. некоторые специалисты предсказывали, что первыми оружие

массового поражения для совершения террористического акта применяют религиозные секты с мессианскими или апокалиптическими идеями. Действительно, сегодня религиозные фундаменталисты и группы, исповедующие новые религиозные культы, делают ставку на массовое уничтожение, стремясь максимизировать насилие по отношению к тем, кого они воспринимают в качестве своих врагов, деля мир чётко на «они» и «мы» [18, с. 43]. В русле этого вполне логичным выглядит использование «Исламским государством» химического оружия против курдов.

Во-вторых, это создание террористических сетей и совершенствование тактики террористических групп на основе информационных и компьютерных технологий. Доступность информации разрушает иерархии, поскольку облегчает процесс коммуникации и координации. Американские исследователи Дж. Арквилла и Д. Ронфельдт, описывая подобные информационные сети и те вызовы, которые от них исходят в адрес национального государства, используют весьма выразительный термин – «сетевая война». Для сетей характерна автономность, гибкость и высокий уровень адаптивности, при этом акторы «сетевой войны» по своей природе суб- и транснациональны [58, р. 194–195].

Классический тип террористических организаций с чёткой мотивированной структурой и конкретной политической программой начинает сдавать свои позиции перед терроризмом нового времени, способного вести борьбу по последнему слову организационных сетевых структур, имеющих нелинейность, множественность и

разнообразие [18, с. 45]. Получающие всё большее распространение сетевые структуры основываются на трёх организационных принципах:

1. Для членов каждой ячейки, которые осведомлены только о своих непосредственных обязанностях, характерно беспрекословное подчинение своему лидеру.

2. Вся структура построена на малых группах-командах.

3. Происходит усиление горизонтальных связей с минимизацией иерархических отношений на третьем уровне ячеек.

В общем плане вся инфраструктура такого рода организаций включает в себя три иерархических уровня: первый уровень составляют лица, которые определяют идеологическую линию и интегрируют деятельность организации; второй уровень включает в себя руководителей ячеек, которые определяют тактическую деятельность своих групп; третий, самый большой по численности, уровень представляет собой прямых исполнителей, которые образуют горизонтальные сетевые структуры, состоящие из самоуправляемых ячеек, выполняющих поставленные тактические задачи руководителей ячеек второго уровня, претворяя в жизнь общую идеологическую концепцию идеологов центрального (первого) уровня.

В-третьих, всё большую деструктивную роль в комплексе изменений терроризма играет его идейно-политическое и психологическое воздействие на общество благодаря средствам массовой информации. В этом плане вполне справедливо С. Комбс определяет терроризм, как «синтез войны и театра, драматизацию наиболее

запрещённого вида насилия – насилия, предназначенного для невинных жертв, – разыгрываемую перед аудиторией в расчёте на создание настроения страха, с политическими целями» [5, с. 8].

«Исламское государство» чрезвычайно эффективно использует как традиционные СМИ, так и онлайн-коммуникацию, включая социальные сети. Наряду с сообщениями и видеокадрами казней людей, уничтожения памятников истории и культуры, в интернете можно найти тысячи публикаций, содержащих исламистскую пропаганду того, что они называют государством, и их толкование ислама. Нельзя обойти вниманием и специально созданные фильмы, такие как «Звон мечей» и «Пламя войны», изобилующие спецэффектами и, в целом, отличающиеся достаточно высоким уровнем профессионализма их создателей.

Всё это характерно в начале XXI в. не только для «Исламского государства», но и для других подобного рода группировок.

Однако необходимо признать, что ИГ сумело во многих отношениях пойти дальше, чем все его предшественники, создав на территории Сирии и Ирака своё квазигосударство. В июне 2014 г. было официально объявлено о создании «халифата», государственного образования, основанного на господстве идей и законов шариата. Одновременно было озвучено требование ко всем мусульманам мира присягнуть на верность лидеру ИГ Абу Бакр-аль Багдади и переместиться на территорию, находящуюся под его контролем. ИГ потребовало также от всех других джихаистских групп признать его верховенство, и надо отме-

тить, что многие, в том числе ряд отколовшихся от Аль-Каиды организаций, так и сделали.

К сентябрю 2014 г. – периоду наибольших территориальных захватов ИГ, по словам тогдашнего директора Национального контртеррористического центра США Мэтью Олсена, «Исламское государство» контролировало большую часть бассейна рек Тигра и Евфрата, или около 210 000 км² [92]. В то же время вряд ли можно говорить о полном господстве над этой территорией. В действительности, боевики полностью контролируют лишь ту её часть, где находятся города, основные дороги, места нефтедобычи и военные объекты. Однако они свободно передвигаются по остальной территории, считая её зоной своего контроля. Точное число людей, проживающих на этих территориях, неизвестно. По оценке президента Международного комитета красного креста, в марте 2015 г. их насчитывалось более десяти миллионов человек [89].

Для созданного ИГ государственно-образования характерна достаточно чётко обозначенная административная структура [57]. Главой государства, обладающим практически неограниченными властными полномочиями, является халиф (в настоящее время – это Абу Бакр аль-Багдади). Именно он назначает членов совещательного органа Шуры. В свою очередь, Административный совет занимается разработкой законов.

Наместники управляют подконтрольными территориями в Ираке и в Сирии. Соответственно, в их подчинении находятся губернаторы провинций. Таким образом, можно говорить о наличии жёсткой иерархической

структуры, территориальные границы функционирования которой, однако, постоянно меняются в зависимости от успеха или неудач военных операций.

Состав Военного совета и Совета разведки также определяется халифом. Особо следует отметить наличие такого органа, как Совет военной помощи, отвечающий за помощь и сотрудничество с союзническими группировками в других странах.

Надзор за соблюдением норм шариата и исламской морали осуществляет Правовой совет, в функции которого входит также пропаганда и вербовка боевиков за границей. Аналогичные функции внутри страны, а именно – пропаганда, контрпропаганда и работа с молодёжью – выполняет Исламское управление общественной информации. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что «Исламское государство» с самого начала своего существования сделало ставку на создание мощной пропагандистской структуры. Основными медиаподразделениями ИГ считаются агентства «Аль-Фуркан» и «Аль-Итисам», а также медиа-центр «Аль-Хайят», ориентирующийся преимущественно на внешнюю аудиторию.

«Исламское государство» ежедневно выпускает текстовые аудио-отчёты о новостях на пяти языках (арабский, английский, русский, французский, курдский) в рамках так называемого «Радио аль-Баян (Вести)». Каждый вилайет (провинция) ИГ имеет собственную медиа-службу, публикующую фото и видео из этого вилайета. При этом далеко не все материалы ИГ содержат сцены насилия: довольно много отчётов о работе системы здравоохранения, шариатской полиции и судов, пунктов сбора закята (обязательного

годового налога в пользу бедных, нуждающихся, а также на развитие проектов, способствующих распространению ислама и истинных знаний о нём). Кроме того, у ИГ есть свой интернет-журнал «Дабик», в котором (с расчётом, прежде всего, на иностранную, неарабскую аудиторию) освещаются различные моменты из жизни «Исламского государства» [57].

Очевидно, что для более или менее стабильного функционирования квазигосударства необходимо постоянно решать множество хозяйственных вопросов, чем и занимаются уполномоченные советники халифа. Именно они отвечают за работу основных систем жизнеобеспечения, обеспечивающих подачу электроэнергии и воды, а также сотовую связь.

Как и обычное государство, ИГ устанавливает и собирает налоги с населения, проживающего на подконтрольных ему территориях. Более того, в ноябре 2015 г. было объявлено о начале выпуска собственных денег – золотых монет под названием «исламский динар» (так называли монету, использовавшуюся в 630-х г. во времена халифа Османа, которую исламисты взяли за образец) [79].

И здесь необходимо подчеркнуть еще одну специфическую и крайне важную характеристику ИГ как террористической организации нового типа – её «самокупаемость». В начале своей деятельности руководство и боевики ИГ преимущественно рассчитывали на деньги «спонсоров», поддерживающих саму идею создания суннитского халифата. Сообщалось о финансировании группировки частными инвесторами из стран Персидского залива. Член иранского парламента Мохам-

мад Салех Джокар заявлял о получении ИГ помощи в объёме 4 млрд. долларов от Саудовской Аравии [48]. Однако в настоящее время «Исламское государство» – это организация-миллиардер. Основные источники дохода – грабежи, разбойные нападения, вымогательства, получение выкупов за заложников. Но главной после захвата соответствующих территорий в Ираке и Сирии стала торговля нефтью на чёрном рынке по демпинговым ценам, что позволяет, по расчётам специалистов, получать от \$1 млн. до \$3 млн. в день. Общий объём оценивается в 350 000 баррелей / сутки. Основным пунктом легализации называют Турцию, в которую ресурсы приходят через посредников [98].

Представляется, что именно эти новые характеристики ИГ по сравнению с другими террористическими организациями делают его особенно опасным, поскольку в данном случае речь идёт не только о распространении радикального ислама, массовых убийствах, геноциде, торговле людьми и прочих преступлениях, но и о подрыве базовых основ современного миропорядка, разрушении Вестфальской системы национальных государств. Отсюда объективная заинтересованность в уничтожении этого квазигосударства, которая должна быть осознана всем мировым сообществом. «Исламское государство» – это своего рода джинн, выпущенный из бутылки, и он в равной степени опасен для всех, даже для тех стран, правящие элиты которых изначально поддерживали его идеи, оказывая ему различного рода помощь.

Сарабьев А.В.

Исламизм против ближневосточного поликонфессионализма

Ближневосточные общества, как правило, поликонфессиональны, т.е. сочетают несколько религиозных систем. Ирак, Сирия, Ливан, Палестина, Иордания – на протяжении XX в. в этих странах конфессиональный баланс поддерживался (а где-то и устанавливался) разными, в том числе силовыми и административными методами. Но в основе своей отношения между суннитской, шиитской, православной, униатской, маронитской, грегорианской, протестантской, ассирийской, ассиро-халдейской, яковитской, сирокатолической, алавитской, друзской, исмаилитской, езидской и другими общинами на Ближнем Востоке традиционно носят конвенциональный характер. Наиболее ярким примером в этом отношении является, конечно, ливанское государство, конфессиональная система в котором всегда основывалась на принципе противовесов. Система конфессионального представительства в Ливане, выработанная более 70 лет назад, поддерживается, несмотря на существенное изменение конфессиональной демографии: мусульмане теперь составляют 60–65 %, христиане – около 25 %. [80]. Существенную роль в межконфессиональных отношениях на Ближнем Востоке играет и клановая система, когда определенная клиентела экономически, политически или из соображений тактики в большей или меньшей степени заинтересована в установлении тесных контактов с инославными общинами.

Теперь, перед лицом реальной угрозы истребления или выселения со своих земель исламистами (джихадистами) представители разных общин вынуждены проявлять большую согласованность в действиях друг с другом. Это, пожалуй, один из важнейших новых регуляторов межконфессиональных отношений – антиджихадистская солидарность. Громкое похищение православного и сиро-яковитского епископов, поиски которых до сих пор ведутся, ещё больше сплотило паствы Православного Антиохийского патриархата и Сиро-Яковитской Церкви. Бедствия иракских Ассирийской Церкви Востока и Ассиро-Халдейской Церкви, паства которых в Ираке сократилась с начала нынешнего века почти в 10 раз, привлекают внимание всего мира, заставляют сопоставлять эту трагедию с событиями 1915 г. – так называемым геноцидом сейфо, когда десятки тысяч ассирийцев и сирийцев-яковитов подверглись депортации и истреблению [15] вместе с малоазийскими армянами.

В сложном и пёстром комплексе, что называют исламизмом (или такфиризмом, или джихадизмом), имеют место сильно различающиеся по своим методам и подходам организации. Каким видят идеологи халифатизма положение конфессиональных меньшинств (то есть всех общин, кроме несуннитской) в предполагаемом ими общественно-политическом устройстве? Готовы ли они, в полном согласии с Кораном и Сунной, выступить защитниками всех, имеющих статус зимми¹? Допустимо ли в рамках ригористических ваххабитских проектов

сосуществование суннитских, шиитских, друзских, алавитских и иных мусульманских общин, или же всем несуннитам однозначно уготован такфир²? Попытки ответить на подобные вопросы могут подвести к научно обоснованным оценкам перспектив реализуемых сегодня на территориях Ирака и Сирии наднациональных суннитских проектов, которые пытаются распространиться на Ливан, Синай и некоторые африканские страны. Перспектив, оценки которых могут быть даны в военно-политическом ключе – в смысле стратегии международных или региональных антитеррористических коалиций.

Немаловажным вопросом является и культурная составляющая того «джихада», который исламисты ведут в направлении истребления исторической памяти и национального самосознания в угоду универалистского нивелированного и выхолащенного понимания мусульманской культуры. Яркие примеры тому – разграбление иракских музеев и недавние взрывы памятников древней Пальмиры в Сирии (храм Баалсамина, храм Бэла, погребальные башни, триумфальная арка) [42]. Эта «война с памятниками», очевидным образом, представляет собой попытку смены цивилизационных основ захваченных обществ, перегрузки культурно-религиозной идентичности населения предполагаемых провинций халифата. И всё же остаётся вопрос – какое место в стратегии исламистов занимает эта культурная

Мухаммада, обязаны осуществлять защиту и покровительство.

² Такфир – вынесение обвинительного приговора в несоблюдении норм чистого ислама.

---

¹ Зимми, или ахль аз-зимми – статус неисламского населения в исламских государствах, в отношении которых мусульмане, по завету

составляющая борьбы? Как далеко они могут зайти в нивелировании богатейшего наследия истории, особенностей традиции и культуры конфессиональных общин Ирака, Сирии и других территорий, являющихся для них целью? Работа над этими вопросами может, надо полагать, явиться стимулом привлечения к решению цивилизационной составляющей проблемы исламского экстремизма влиятельные региональные мусульманские организации, а также основанием для ясного артикулирования своей позиции православного, католического и протестантского мировых сообществ.

Наконец, серьезнейшим вопросом, способным приблизить к верной оценке позиций ключевых держав в отношении сдерживания халифатистов «Исламского государства», Талибана, джихадистов Фронта аль-Нусра и многих других, может оказаться следующий: кому выгоден упор на религиозный аспект противостояния? Почему при достаточно прозрачных военно-стратегических целях участников так называемой «шиитской дуги» и их противников из суннитского лагеря (страны Аравии и Залива, в первую очередь) такой акцент делается на конфессиональной составляющей противоречий? Не является ли это классическим примером инструментализации религии? В пользу положительного ответа на вопрос говорят факты поразительной периодичности и необъяснимой жестокости, насилия с явным религиозным подтекстом. 5 ноября 2015 г. было взорвано здание в ливанском Эрсале (северо-восток Бекаа, у границы с Сирией), где проходило заседание «Комитета алимов Каламуна», при этом погибли восемь

суннитских алимов [105], которые выступали посредниками в переговорах с ДН и ИГ о возвращении 25 ливанских военных, захваченных в плен в августе 2014 г., а также занимались распределением средств помощи сирийским беженцам в Ливане. Ранее, в марте 2013 г. произошло сразу два зверских убийства известных суннитских богословов и проповедников: в Дамаске во время взрыва в мечети погиб шейх Мухаммад Рамадан аль-Бути, а в Алеппо исламистами был растерзан шейх Хасан Сафиеддин, причём его голову водрузили на минарете, а обезображенное тело выставили на поругание возле мечети. В религиозном плане это были, видимо, акты исполнения приговора после вынесения такфира, однако на поверхности лежат более земные причины этих убийств – политические (проасадовская позиция хатыбов аль-Бути и Сафиеддина; неудобная для исламистов нейтральная позиция шейхов, убитых в Эрсале) и, возможно, материальные. Абсолютно справедливо, что по отношению к религии, как пишет И.Д. Звягельская, «инструменталистский подход вполне отражает реалии политической борьбы в любой арабской стране, где религиозные или светские лозунги маскируют иные линии раскола» [21, с. 185].

Приведённые факты, где жертвы – известные суннитские деятели, показывают, что вполне обосновано сомнение в направленности «джихада» радикальных исламистов-суннитов исключительно против «неверных» (всех немусульман) или «отступников» (шиитов, алавитов, друзов и др.). Вероятнее всего, усилия режиссеров масштабных исламистских проектов направлены против самого поликон-

фессионального устройства ближневосточных обществ, закреплённого на протяжении веков и освящённого не только традицией, но и самими священными текстами мусульман.

Так или иначе, Ближний Восток уже никогда не будет прежним. Когда раны взаимных обид затянутся, мы, должно быть, станем свидетелями установления новых общественных связей и выстраивания новых межобщинных отношений в этом регионе.

Валиахметова Г.Н.

Энергетическая составляющая геополитического конфликта в Сирии

Энергетический фактор, являясь интегральной частью международных отношений и мировой политики, с одной стороны, отражает как в фокусе их текущее состояние, а с другой – сам порождает новые международные противоречия и конфликты. В XXI в. в сфере энергетики формируются новые угрозы международной и национальной безопасности и, соответственно, требуются качественно новые, многосторонние подходы к решению возникающих проблем. Пока поиск конструктивных форм взаимодействия старых и новых энергетических игроков весьма далёк от завершения, чему наглядным примером является Сирия, которая, по сути, стала заложницей «высокой» политики с её влиятельным энергетическим фактором.

Сирия всегда была незначительным игроком на глобальном энергетическом рынке ввиду довольно скромной доли в мировых запасах нефти (0,1 %) и газа (0,2 %) [66]. Однако в районе

Восточного Средиземноморья Сирия остаётся самым крупным производителем, даже несмотря на внушительное сокращение объемов добычи нефти и газа в результате военного конфликта. Энергетическая отрасль всегда являлась стратегической для сирийской экономики: доходы от экспорта нефти (до 2012 г. порядка 95 % сырой нефти вывозилось в Европу) были основным источником пополнения госбюджета страны, обеспечивая примерно четверть совокупных государственных расходов. Сирийские нефтяные и газовые месторождения, контроль над которыми сегодня пытаются получить (или удержать) все стороны конфликта, преимущественно сосредоточены в малонаселённых частях страны (на востоке и северо-востоке) и соединены с густонаселёнными прибрежными районами (Дамаск, Хомс, Алеппо) системой трубопроводов [2].

Региональное и глобальное значение сирийского энергетического сектора внушительно возросло в 2009–2010 гг. в связи с разработкой правительством Б. Асада новой энергетической стратегии страны и обнаружением колоссальных запасов нефти и газа в бассейнах Леванта (вдоль берегов Сирии, Ливана, Израиля, Газы, Кипра) и Нила (на севере Египта). В связи с этим важно подчеркнуть тот факт, что нефтегазовые запасы Ближнего Востока ещё далеко не полностью исследованы. Так, за вековую историю промышленной разработки нефти в зоне Персидского залива там появилось всего около 2 тыс. разведочных скважин (пробуренных методом «дикий кошки», т. е. наугад), в то время как в США – более 1 млн. В Ираке, например, имеется лишь 2,5 тыс. нефтяных

скважин всех видов (разведочных, оценочных, разработочных и т. д.), а в одном только Техасе их 1 млн. [6]; газовые же резервы Ирака ещё только предстоит оценить [49, с. 104]. Поэтому череда успешных нефтегазовых разведок на Ближнем Востоке, которая так удивляет мировую общественность (в числе последних «сенсаций» – обнаружение крупного газового месторождения на контролируемых Израилем Голанских высотах в октябре 2015 г.), является вполне закономерной и не исключает возможности как дальнейших открытий, так и неизбежно последующей за ними схватки за энергоресурсы региона [70]. Примечательно, например, что первые антиправительственные выступления в Сирии вспыхнули именно в тех городах и районах, где располагаются ключевые объекты энергетической инфраструктуры страны, а кампании гражданского неповиновения неизменно сопровождалась многочисленными терактами на предприятиях нефтегазовой отрасли. Первые и наиболее жестокие столкновения между правительственными войсками и оппозицией произошли в марте 2011 г. в г. Хомс, где незадолго до этого было обнаружено новое газовое месторождение, которое сирийские власти оперативно стали вводить в эксплуатацию [46; 72].

Но главная ценность и стратегическое преимущество Сирии – это её географическое расположение в центре Ближнего Востока, что неизбежно повышает геополитическую значимость страны. Нефтяные ресурсы региона преимущественно сосредоточены в зоне Персидского залива, прежде всего, в трёх странах, исторически кон-

курирующих друг с другом – Иране, Ираке и Саудовской Аравии. В этом же районе залегают крупнейшие в мире разведанные запасы природного газа – супергигантское, относительно легкодоступное месторождение, расположенное в территориальных водах Катара (месторождение Северное, которое вывело Катар на третье в мире место по запасам природного газа и, по оценкам экспертов, позволит этой стране добывать газ в нынешних внушительных объемах не менее 160 лет) и Ирана (месторождение Южный Парс, которое содержит около половины суммарных газовых ресурсов Ирана, мирового лидера по запасам газа). Промышленная разработка месторождения Северное / Южный Парс началась в 1990–1991 гг. при активном участии американских, европейских и японских ТНК – в катарской зоне, европейских, российских, китайских, южнокорейских и малайзийских ТНК – в зоне контроля Ирана. Соответственно, в национальной повестке дня Катара и Ирана встал вопрос о выходе на ёмкие рынки сбыта, в первую очередь, в Европе и Восточной Азии [20].

Развитие региональной системы транспортировки энергоресурсов началось ещё в 1934 г. с пуском в эксплуатацию первого на Ближнем Востоке трансграничного нефтепровода, по которому ближневосточная (иракская) нефть впервые вышла на мировые рынки, минуя Персидский залив. Нефтепровод состоял из двух веток, проложенных из Ирака (Киркук) к Средиземному морю по маршрутам Сирия – Ливан (Триполи) и Иордания – Палестина (Хайфа). В 1952 г. было завершено строительство нефтепровода Киркук – Банияс. Сегодня это основ-

ная транзитная артерия, идущая по Сирии к прибрежным сирийским и ливанским нефтеперерабатывающим заводам, к которой в районе известного по медиа-сводкам г. Хомс присоединяется труба с сирийских месторождений. Главная проблема данной нефтепроводной системы состоит в том, что её маршрут пересекает зоны контроля ИГИЛ (долины Евфрата и район печально известной Пальмиры, где, кроме того, расположены крупные газовые поля), а сирийские нефтепромыслы на северо-востоке страны находятся под курдским контролем. Курды также контролируют основной сухопутный, практически по границе обходящий Сирию, путь иракской нефти на Турцию (Киркук – Джейхан). Отсюда и появление прогнозных сценариев по «встраиванию» контролируемых курдами сирийских месторождений в турецко-иракскую трубу.

Другая стратегически важная трансрегиональная трасса, пролегающая по территории Сирии, – это так называемый Арабский газопровод, ставший примером успешного энергетического сотрудничества четырёх арабских стран. В 2001–2009 гг. газопровод был проложен от Египта через Иорданию до Сирии (Хомс, Банияс) и Ливана (Триполи). Готовность к сотрудничеству в рамках данного регионального проекта в своё время также выражали Израиль, Ирак и Турция. С открытием крупных газовых запасов на шельфе Восточного Средиземноморья стали рассматриваться возможности подключения Арабского газопровода к Набукко. В связи с военным конфликтом в Сирии сирийский участок трубы был перекрыт, а подконтрольные другим странам сек-

тора регулярно становятся объектами терактов [1; 38].

В целом, к настоящему времени на Ближнем Востоке было построено 8 трансрегиональных трубопроводов, и каждый был перекрыт, как минимум, один раз, преимущественно по военно-политическим причинам. Ввиду высокого уровня конфликтности в регионе основным для вывоза энергоресурсов с Ближнего Востока остаётся обходной морской путь через Персидский залив. Следуя данным маршрутом, танкеры с нефтью и сжиженным газом вынуждены проходить через узкие и весьма уязвимые со стратегической точки зрения морские артерии – Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы и Суэцкий канал, причем любая дестабилизация обстановки в прибрежных странах чревата перебоями энергопоставок. Наиболее напряжённая ситуация сложилась вокруг Ормузского пролива, контролируемого Ираном. Многие аналитики затрудняются предсказывать масштаб последствий перекрытия пролива для мировой экономики и энергетики. Проблема Ормузского пролива неоднократно приводила к вооружённым конфликтам, последним из которых является война в Сирии.

В 2009 г. Башар Асад обнародовал энергетическую стратегию Сирии, согласно которой страна должна была превратиться в новый энергетический центр Ближнего Востока. Предложенный Б. Асадом проект «Четырёх морей» предусматривал строительство сети газопроводов, позволявших соединить морские акватории, окружающие Сирию по периметру всего Леванта (Каспий, Средиземное и Черное моря, Персидский залив). Катар сразу

обратился к Дамаску с предложением о прокладке по сирийской территории газопровода со своего месторождения Северное в Турцию и далее в Европу. Однако Асад мыслил свой проект шире – как объединение Ближнего Востока под эгидой Сирии в рамках единой нефтегазотранспортной системы с выходом к Средиземному морю. Особо раздражающим для Дохи, а также её аравийских и западных партнёров, стали недвусмысленные реверансы сирийского президента в сторону Ирана и России [46; 72].

К моменту дестабилизации политической обстановки в Сирии Дамаск предпринял ряд конкретных шагов по реализации своих энерготранзитных планов, дополнившихся, кроме того, программами наращивания перерабатывающих мощностей страны в районах Пальмиры и Ракки, которые сегодня находятся под контролем ИГИЛ, а последняя даже провозглашена его столицей [46]. По-видимому, последней каплей, переполнившей «чашу терпения» оставшихся не у дел заинтересованных энергетических игроков (Катар, Саудовская Аравия, Турция), стало подписание 25 июня 2011 г. в Бушере соглашения о строительстве нового газопровода Иран (Ассалуэх) – Ирак – Сирия протяжённостью 1500 км, мощностью 40 млрд. м³ в год и стоимостью 10 млрд. долларов. Рассматривались также перспективы его ответвления в Ливан и продления по дну Средиземного моря в Грецию, а также варианты поставок сжиженного газа из Ирана в Европу через сирийские и ливанские средиземноморские порты. Этот трубопровод, получивший название «Исламская магистраль», должен был войти в строй в 2014–2016 гг. и

обеспечить энергетические потребности Ирака, Сирии, Ливана и Иордании [72]. Спустя месяц после подписания указанного соглашения о своём создании и намерении свергнуть режим Башара Асада объявила «Свободная армия Сирии», что знаменовало переход сирийского внутривластного кризиса в фазу гражданской войны.

«Исламская магистраль» оказалась в центре крупной геополитической игры, в основе которой лежит геополитическое противостояние между США и Россией. Начало этой «игре» положил в 2002 г. турецко-австрийский проект газопровода Набукко мощностью 30 млрд. м³ газа в год, который первоначально планировали проложить из Ирана, Ирака, Азербайджана и Туркменистана через Турцию в Европу. Набукко должен был уравновесить российские газовые поставки в Евросоюз. Однако ввиду недостаточной сырьевой базы проект забуксовал: в настоящее время он обеспечен запасами одного Азербайджана, остальные страны-поставщики были исключены преимущественно по политическим соображениям [33].

Соответственно Запад стал рассматривать в качестве ресурсной базы масштабного проекта по выдавливанию российского газа с европейских рынков страны Персидского залива, а именно Катар и Саудовскую Аравию, которые предложили меридиональное направление поставок своего газа в Европу в обход Ирака через Иорданию и Сирию. В районе г. Хомс трубопровод должен разветвляться в трёх направлениях к побережью Средиземного моря: в Латакию на севере Сирии, Триполи на севере Ливана и Турцию. С учётом газовых ресурсов аравийских

монархий, мощность катарского газопровода могла превысить и «Исламскую магистраль», и Набукко, бросая прямой вызов «Южному потоку» – международному проекту под эгидой России, который позволял диверсифицировать поставки российского природного газа в Европу и снизить зависимость поставщиков и покупателей от таких транзитных стран, как Украина и Турция [33; 71].

Очевидно, что в случае сооружения «Исламской магистрали» и «Южного потока» не у дел оставались заинтересованные в катарском газе и проекте Набукко США, ряд европейских стран, монархии Персидского залива, Израиль и Турция, претендующая на роль главного мирового транзитера и владельца крупнейшего на побережье Средиземного моря газового хаба. Катар и его союзников на Западе, кроме того, весьма беспокоили перспективы экспорта иранского и сирийского газа в Европу через арендуемый Россией сирийский порт Тартус. «Исламская магистраль» рассматривалась арабскими монархиями и Турцией не только в качестве серьёзного экономического конкурента, но и в контексте межконфессиональных (суннитско-шиитских) противоречий – как шиитский газопровод из шиитского Ирана через территории Ирака с его шиитским большинством и дружественной шиитам алавитской Сирии во главе с Б. Асадом [33; 71].

Катарский газопроводный проект, помимо прочего, позволяет преодолеть критическую зависимость арабских нефтедобывающих монархий от ситуации вокруг контролируемого Ираном Ормузского пролива – узкого «бутылочного горлышка» на выходе из Пер-

сидского залива в Аравийское море и Индийский океан. В случае перекрытия этой судоходной артерии под ударом также оказываются военно-стратегические позиции США на Ближнем Востоке: американский пятый флот, базирующийся в Катаре, Дубае и на Бахрейне, может выйти в Индийский океан только через Ормузский пролив. Катар, по сути, пробивает новый коридор для экспорта газа, и ключевым звеном в решении этой задачи стала Сирия с её значением регионального географического перекрёстка [33].

Вполне естественно, что катарский проект активно продвигается Вашингтоном, поскольку позволяет нанести сокрушительный удар по энергетическим интересам Ирана, Ирака и Сирии; разрушить иранскую транзитную монополию в Персидском заливе; усилить транзитные позиции Турции, своего союзника по НАТО; предоставить Израилю, другому американскому партнёру по ближневосточным делам, возможность экспортировать свой газ в Европу по наземному маршруту. Успешное решение указанных задач позволит США реализовать более глобальные геополитические цели – выдвинуть Россию с европейского газового рынка, ослабив тем самым её экономические и политические позиции, а также создать условия «ресурсного голода» у своего другого геополитического конкурента – Китая, существенно ограничив его доступ к нефтегазовым ресурсам Персидского залива [33; 46; 56; 71].

«Газопроводная игра на выбывание» в Сирии, по сути, была развёрнута Катаром и Саудовской Аравией при активной поддержке США и их союзников на Западе. Сравнение карты бое-

вых действий в Сирии с картой конкурирующих трубопроводных проектов неизменно приводит экспертов к выводу о наличии тесной связи между вооруженной активностью сирийской «оппозиции» и её стремлением контролировать именно районы Дамаска, Алеппо и Хомса, где сходятся маршруты будущих энерготранзитных артерий Ближнего Востока [33; 46; 71; 72]. Ближневосточные оппоненты Сирии используют довольно широкий спектр инструментов давления на Дамаск: финансовое и информационное превосходство (примечательно, что арабийские монархии ведут борьбу с республиканским режимом Б. Асада под лозунгом «защиты демократических ценностей»); военное присутствие США и НАТО в Персидском заливе; вооружение сирийской «оппозиции» (на практике – транснациональных бандформирований); поддержку исламистских сил, способных изменить в свою пользу политический ландшафт Ближнего Востока, и т. д. Тем не менее, спонсорам и вдохновителям сирийской войны так и не удалось перевести её в ливийский формат. В условиях роста непредсказуемости очередных зигзагов мировой и региональной политики аналитики воздерживаются от прогнозов в отношении сирийского кризиса даже на краткосрочную перспективу.

Роль энергетического фактора в геополитическом противостоянии между США и Россией на сирийском поле не исчерпывается соперничеством «Исламской магистрали» и катарского трубопроводного проекта, которые на время утратили свою актуальность. Весьма туманными остаются перспективы «Турецкого потока» (российской

альтернативы «Южному потоку»), особенно в свете кризиса в российско-турецких отношениях после событий на сирийской границе 24 ноября 2015 г. Строительство Набукко отложено на 2017 г. (формально – из-за технических трудностей), но рассматриваются возможности включения в проект в качестве ресурсной базы иранского газа, а также продукции Эрзерумского месторождения Турции и газовых запасов Восточного Средиземноморья на шельфе Сирии, Ливана и Израиля [56]. Несмотря на войну в Сирии, продолжает возрастать стратегическое значение Арабского газопровода, который в перспективе также может быть подключён к Набукко [1].

Картина энергетического среза сирийского конфликта будет неполной без учёта целого спектра других сюжетных линий, в разной степени оказывающих влияние на развитие событий в Сирии. В их числе ситуация с освоением и направлениями экспорта энергоресурсов Каспия и Центральной Азии, где стремление местных правительств балансировать на противоречивых интересах глобальных энергетических игроков существенно повышает там уровень конкурентного противостояния, что, в свою очередь, корректирует ближневосточный вектор энергетической политики США, Европы, России и Китая [25; 44]. Не следует забывать и том, что война трубопроводов на Ближнем и Среднем Востоке (построенных и проектируемых) ведётся в том числе на землях расселения курдов и белуджей, которые в своих попытках добиться хотя бы автономии активно используют энергетический фактор [43]. Будущая карта ближневосточного энерготранзита зависит и от

эффективности борьбы с террористическими группировками, которые, со своей стороны, также имеют собственные подходы к решению политических и энергетических проблем региона. Весьма неоднозначны, казалось бы, сложившиеся на Ближнем и Среднем Востоке неформальные альянсы: совпадение интересов их участников в сирийском вопросе отнюдь не исключает наличия между ними глубинных противоречий. Прежде всего это касается взаимоотношений США с Турцией, арабскими монархиями, Израилем и Пакистаном, отношений в треугольнике Турция – Катар – Саудовская Аравия и т.д. [44]. Следует признать, что приход на европейский газовый рынок Ирана (вне зависимости от того, по какой трубе пойдёт его газ – катарской, ирако-сирийской или любой другой) серьёзно ослабит позиции российского «Газпрома» в Европе. Более того, энергетика – отнюдь не единственная сфера, где Россия и Иран являются прямыми конкурентами [16; 45].

Таким образом, анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики.

Радиков И.В.

Сирийский кризис как отражение распада современной системы международной безопасности

Сформированная после окончания Второй мировой войны система международной безопасности носила

всеобъемлющий, комплексный характер и представляла собой совокупность основополагающих принципов безопасности, межгосударственных механизмов и структур, международно-правовых норм, многосторонних договоров и других элементов, созданных и функционирующих для предотвращения военных столкновений, их локализации, урегулирования политических, экономических и военно-стратегических противоречий, а также специальный режим контроля за международной деятельностью. Она охватывала всё мировое пространство. Важнейшим ее элементом была ООН.

Основными методами поддержания международного порядка во второй половине XX в. выступали сохранение общего баланса сил; избегание или контроль над кризисами; ограничение методов и средств ведения войны; использование локального доминирования; распределение сфер влияния; совместные действия, в основе которых лежали идеи «концерта» или «кондоминиума» [67, с. 207]. Один из основателей «английской школы» в теории международных отношений Хеддли Булл, характеризуя механизмы обеспечения международной безопасности во второй половине XX столетия, относил баланс сил к числу пяти ключевых институтов, формирующих и поддерживающих международное общество. По его мнению, баланс сил лежал в основании четырёх других: международного права, войны, дипломатии и мощи великих держав. Используем для нашего исследования подход этого ученого, утверждавшего, что в международной системе, где отсутствуют общие интересы и институты, возможен только «случайный» и

«неустойчивый» баланс сил, а также с предлагаемым им делением типов порядка в международных отношениях на международную систему и международное общество. Если международная система понималась как простая совокупность взаимодействующих государств, то международное общество, кроме взаимосвязанности государств, характеризуется ещё и наличием общности ценностей, интересов и правил поведения. В отличие от стихийного, конфронтационного баланса сил, присущего международной системе, международное сообщество отличается сознательно сконструированным балансом сил [67, с. 101–108].

Вместе с распадом биполярной системы международных отношений начался период деформации старых механизмов международного управления. Созданная для обеспечения мира и стабильности в условиях конфронтационного противостояния двух великих держав – СССР и США – система международной безопасности оказалась неприспособленной к изменившимся условиям и неспособной адекватно учесть взаимовлияние и противоречивость новых тенденций, определяющих трансформацию современной системы международных отношений: глобализацию и интеграцию, регионализацию и децентрализацию, изменение роли национальных государств и демократизацию, перерастание столкновений внутреннего характера в региональные и даже международные масштабы.

Возникшие региональные конфликты в 90-е гг. в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, сербском крае Косово и Македонии, на пространстве бывшего СССР, в Сомали, Либере-

рии, Сьерра-Леоне, Руанде и Заире, на Среднем Востоке и других точках мира продемонстрировали угасающую пригодность системы международной безопасности с её центром – ООН для их урегулирования. Эффективность действия системы тормозилась отсутствием консенсуса в Совете Безопасности, затяжными процедурами согласования интересов. Тем не менее, после 1989 г. число миротворческих и гуманитарных миссий ООН возросло. Только за три первых постбиполярных года (1989–1992) их количество сравнялось с числом подобных операций за предшествовавшие сорок лет. Материальные затраты на их проведение возросли в 1991–1992 гг. с 750 млн. до 2,9 млрд. долл. Географический спектр операций расширился, их формы разнообразились [22, с. 48].

Эффективность деятельности международной системы безопасности снижалась также в силу ограниченных военных и финансовых возможностей механизма обеспечения решений Совета Безопасности ООН, недостатков политико-правовой базы системы международной безопасности: отсутствия согласованных правовых понятий самоопределения, суверенитета, территориальной целостности, вмешательства, автономии, санкций и т.п.

Деформация системы международной безопасности в значительной степени обуславливалась непрекращающимися попытками США создать модель однополярного мира. Курс США на гегемонию неминуемо породил противодействие других субъектов мировой политики и фатально вёл к конфликту. Уже в 1992 г. Пентагон представил конгрессу и президенту доклад о стратегии национальной без-

опасности США, в котором говорилось: «нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального глобального соперника».

В условиях ситуации исторической неопределённости, созданной разрушением биполярной мироструктуры, США устремились к установлению монополярного мира. Вызревавшая с 80-х гг. XX столетия тенденция постепенного ослабления конфронтационного баланса сил как основы системы международной безопасности и повышения значимости связующего баланса, основанного на идее международного общества и консенсусе ведущих мировых держав, так и не нашла своего должного практического наполнения. Ставка вновь делается на превосходстве военной силы. В условиях откровенного игнорирования нормативной базы международной безопасности, наступившей эпохи международного беззакония, насилия и разбоя, статус мирового жандарма придаётся НАТО, зона его «ответственности» распространяется на всё мировое пространство (решения саммита глав государств НАТО, апрель 1999 г., Вашингтон).

Деятельность институтов международной системы безопасности подменяется усилением экспедиционных группировок американских вооружённых сил, расширением «зоны ответственности» США в различных регионах мира, включая постсоветское пространство. В обход международного права предпринимаются попытки придания американским военным авантюрам характера легитимных международных операций (СРЮ, Ирак, Афганистан, Ливия). Основным

методом внешнеполитического курса США становится примитивный метод «кнута и пряника»: государства, оказывающие сопротивление «установкам США» подвергаются «наказанию», покорные же государства «вознаграждаются».

Канадские авторы К. Зис и М. Флауэрс в своей статье «Американская империя подходит к переломному моменту», основываясь на данных историка У. Блума, ведущего летопись американской истории, сообщают, что после окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты Америки пытались свергнуть 50 с лишним правительств иностранных государств, большая часть которых была избрана демократическим путем; сбрасывали бомбы на людей в 30 с лишним странах; совершали попытки убийства 540 с лишним иностранных руководителей; пытались подавить популистские или националистические движения в 20 странах; грубо вмешивались в демократические выборы как минимум в 30 странах [23].

В условиях слабости международной системы безопасности Соединённые Штаты в качестве конечной цели сформировали идею разрушения или изменения политических систем, не соответствующих западным стандартам. При этом США стали считать себя свободными в выборе методов «распространения демократии». Диапазон этих методов простирался от идеологических, информационных до экономических и военных интервенций. Как отметил профессор М.Х. Хант, «чем больше США стремились уничтожить чужие сферы влияния, тем активнее они создавали собственные, но при этом оговаривались, что всё это дела-

ется с благородным намерением, ибо там, где другие эксплуатируют и подавляют, американцы только защищают и направляют» [78, с. 74].

Как результат, была упущена созданная итогами Второй Мировой войны историческая возможность построения мира без диктата силы, мира суверенного равенства государств, мира, в котором господствует право. Это привело к кризису управляемости международной системы, проявляющемуся в неадекватности механизмов поддержания международной безопасности, созданных после Второй мировой войны – ООН, НАТО, ОБСЕ – вызовам и угрозам XXI столетия; отсутствии явных успехов в их реформировании; внутреннем ослаблении государств – главных элементов системы международных отношений; усугублении кризиса государственного управления ряда стран Африки, Ближнего и Среднего Востока; оформлении на рубеже веков тенденции принимать решения вне рамок международных институтов, что подрывает их легитимность; кризисе международного публичного права, преимущественно в части применения военной силы; ослаблении режима нераспространения ОМУ.

К сожалению, не были реализованы на практике предложения Программы «Повестка дня для мира», выдвинутые Генеральным Секретарём ООН Бутросом Гали на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи, в частности, о необходимости уделять гораздо больше внимания превентивным операциям, направленным на предупреждение споров между конфликтующими сторонами, а также о методах принуждения к миру, в основе которых лежала бы способность быстро реагировать на события [35].

Безапелляционный отказ от необходимости соблюдать принцип Устава ООН (ст. 2, п. 7), запрещающий вмешательство во внутренние дела суверенных государств, был продемонстрирован после событий 11 сентября 2001 г. и 19 марта 2003 г., когда США присвоили себе право вмешиваться, в том числе и вооружённым путем, в дела любого государства, вторгаться в зоны влияния даже провозглашённых своими союзниками партнеров, не обращая ни малейшего внимания на их реакцию, демонстративно утвердили положение о том, что их военнослужащие никогда и ни при каких обстоятельствах не будут судимы Международным судом в Гааге. Эти действия отражают не слабость, а фактический распад системы международной безопасности, основанной на праве, глубочайший кризис международного публичного права, особенно в части применения военной силы.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что глобальная система международной безопасности находится в состоянии глубокого кризиса. В условиях исчезновения баланса даже в его упрощённом понимании равенства силовых возможностей, утраты баланса интересов, более того, истощения стремления к коллективной, кооперативной безопасности между участниками международной системы, реальностью становится осуществление международных операций по применению силы вне этой системы: в рамках коалиций, сформированных на временной основе, или даже отдельным государством (США). Сложилась парадоксальная ситуация, когда в центральном институте международной безопасности – Совете Безопасности

ООН – регулярно обсуждались и даже принимались решения, выражающие обеспокоенность в связи с возникающими кризисами и конфликтами, но реальных инструментов и возможностей для их выполнения не было.

Подтверждением этого вывода стал вооруженный конфликт, начавшийся на территории современной Сирийской арабской республики в 2011 г. и продолжающийся по сей день. В этой ключевой геополитической точке столкнулись, как минимум, четыре конфликтные линии: внутренний сирийский кризис, ирано-саудовская конфронтация, российско-американское соперничество за влияние на Ближневосточном регионе, турецко-сирийское противостояние.

Глубинные внутренние противоречия между полиэтническим и многоконфессиональным населением Сирии были предопределены самим искусственным процессом образования французами современного сирийского государства в 1930-е гг. из нескольких враждовавших между собой квазигосударств. В истории этого государства во второй половине XX столетия – несколько десятков путчей, мятежи и гражданская война, массовые жертвы. Принципиально различные и практически несовместимые позиции противоборствующих сторон, в том числе и по поводу выявления причин разжигания вооруженного противостояния в Сирии, крайне затрудняют в настоящее время возможности мирного, политико-дипломатического его урегулирования через переговорный процесс. Здесь столкнулись две полярных позиции. В соответствии с либеральным подходом, угнетённый сирийский народ при поддержке развитых демо-

кратий борется против диктатуры Башара Асада за свободу, поэтому любые действия со стороны властей, даже направленные на поиск компромисса, подвергаются жёсткой критике. В противовес этой позиции утверждается, что антиправительственные действия в Сирии проводятся в первую очередь по инициативе и при поддержке Саудовской Аравии и Катара, а США лоббируют их политические интересы на международной арене и стремятся к установлению своей гегемонии над Сирией, лишив при этом Иран ближайшего союзника и вытеснив с Ближнего Востока Россию.

Действительно, конфронтация между крупнейшими региональными акторами, Ираном и Саудовской Аравией, является одним из главных дестабилизирующих факторов на Ближнем Востоке. Не случайно министр иностранных дел России С. Лавров охарактеризовал шиитско-суннитский конфликт как наибольшую угрозу для мира и стабильности в этом регионе. В интервью «Независимой газете» в ноябре 2013 г. он отметил, что... «именно с Ираном и Саудовской Аравией ассоциируется поддержка оппозиции и правительства. Важно, чтобы существующая непримиримость между ИРИ и Саудовской Аравией не углубляла наметившийся очень серьёзный раскол внутри исламского мира – между суннитами, которые ассоциируются с Саудовской Аравией, и шиитами, лидером которых в исламском мире воспринимается Иран» [28]. Два прошедших года подтвердили, что Иран и Саудовская Аравия фактически встали на сторону противоборствующих политических сил и способствуют кровопролитию в стране. Вооружённые

формирования движения «Хезболла», начиная с мая 2013 г., принимают активное участие в боевых действиях на территории Сирии на стороне правительства Башара Асада. Помимо «Хезболлы» на стороне правительства Асада воюют также боевики иракских шиитских вооруженных отрядов «Бригады Абуль Фатха Аббаса». Иран оказывает сирийскому правительству существенную экономическую помощь. По информации французской газеты Liberation, финансовая и экономическая помощь ИРИ Дамаску за период конфликта составила 17 миллиардов долларов [32].

Одним из основных факторов, побуждающих государства Персидского Залива проводить подрывные акции против Сирии, является желание разорвать сирийско-иранский альянс. Весной 2011 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал в беседе с шефом администрации бывшего американского вице-президента Дика Чейни Джоном Ханной выразил уверенность, что смена режима в Сирии будет чрезвычайно благотворной для Саудовской Аравии. Он отметил: «Король знает, что ничто кроме краха самой Исламской Республики не может ослабить Иран сильнее, чем потеря Сирии» [24].

Саудовская сторона с самого начала конфликта в Сирии оказывала значительную помощь деньгами и оружием радикальным исламистским (такфиристским) группировкам в Сирии. Под опекой саудовских спецслужб в сентябре 2013 г. было создано новое вооружённое объединение «Джаиш аль-Ислам» («Армия Ислама»). В её состав вошли группы джихадистов «Ах-рар аш-Шам», «Лива ат-тавхид», «Лива

аль-хакк», «Ансар аш-Шам» и Курдский исламский фронт. Во главе этой военизированной структуры встал Захран Аллюш, который одновременно являлся генеральным секретарём партии Исламского освобождения Сирии (ИОС) со штаб-квартирой в Саудовской Аравии.

После освобождения из сирийской тюрьмы в 2009 г. этот полевой командир основал в конце 2011 г. «Лива'а аль-Ислам» (Исламская Бригада) [24], одну из первых сирийских группировок, перешедшую к террористическим методам борьбы, взявшую на себя ответственность за взрыв 18 июля 2012 г. в Дамаске, в ходе которого погиб ряд высших руководителей Сирии: министр обороны Дауд Раджа (христианин), военный советник президента и бывший министр обороны генерал Хасан Туркмани, заместитель министра обороны и руководитель военной разведки Асеф Шаукат (родственник президента САР Башара Асада) [24]. Таким образом, Сирия является практически единственным антисаудовским и антиамериканским бастионом в арабском мире. Перспектива поражения режима Асада заставляет Иран поддерживать нынешнее руководство Сирии.

Российско-американские отношения были на протяжении полувека после окончания Второй мировой войны несущей осью международной системы безопасности, но именно они сегодня во многом определяют кризис этой системы. Представляется также, что они будут определять формирование и новой системы международной безопасности. Российско-американские противоречия фокусируются прежде всего вокруг проблем мироустрой-

ства, хотя артикулируются конкретные национальные интересы. Заметим здесь, что в любом противостоянии США и России везде присутствует не маскируемый ничем интерес США – сдерживание России. Что касается сирийского кризиса, то и здесь США пытаются выполнить эту задачу. В одном из интервью для телекомпании Press TV замминистра финансов США в администрации Рональда Рейгана откровенно сказал то, что обычно скрывается: «Мы хотим свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии, потому что хотим выгнать Китай и Россию из Средиземноморья» [50]. Нет необходимости комментировать эти откровения.

Вместе с тем, по мнению Г. Кисинджера, «весь геополитический расклад, создававшийся США на Ближнем Востоке, рухнул. Четыре страны в регионе фактически лишились государственности. В Ливии, Сирии, Йемене и Ираке к власти рвутся негосударственные игроки. Изрядную часть Ирака и Сирии контролируют религиозные радикалы, провозгласившие себя „Исламским государством” и объявившие войну нынешнему миропорядку» [11]. Киссинджер считает, что вмешательство России в ситуацию в Сирии и начало спецоперации Воздушно-космических войск РФ не только смешало карты Белому дому в регионе, но и поставило под вопрос роль США как глобального лидера. Он подчеркивает: «Роль США на Ближнем Востоке ослабевает <...> Российская военная операция в Сирии стала очередным симптомом ослабления этой роли, которую США приняли на себя по итогам арабо-израильской войны 1973 года. С действиями России в Сирии геополити-

ческая структура, поддерживаемая на протяжении четырёх десятилетий, пришла в упадок» [11].

Помимо арабских монархий Персидского залива, свои собственные интересы здесь преследует Турция, стремящаяся стать державой мирового уровня. Факторов столкновения интересов Турции и Сирии много – от курдского вопроса и взаимных территориальных претензий до идеологических и политических противоречий. Турецкая правящая элита, пожертвовав сложившимися с Сирией связями, сделала ставку на оппозиционные силы и распад Сирии как государства.

Столкновение этих противостоящих линий существенно осложняло поиск выхода из конфликта. Диапазон предложений простирался от всесторонних переговоров, диалога власти и оппозиции до введения санкций, организации миротворческих операций.

Предпринятый нами анализ четырёх конфликтных линий в сирийском узле даёт достаточно оснований, во-первых, для утверждения, что сирийский конфликт стал серьёзным фактором, оказывающим негативное воздействие на безопасность не только в регионе, но и далеко за его пределами, а, во-вторых, для понимания практической неспособности международных организаций, в частности ООН, эффективно регулировать подобные конфликты. Речь идёт о том, что проявившиеся в этом конфликте разногласия совершенно очевидно переносятся на площадку ООН и, в частности, Совета Безопасности, и делают фактически патовыми ситуации, когда стороны, «по определению», не могут договориться о путях их разрешения. Отсюда и так называемая «бездей-

ственность» современной международной системы безопасности.

Подтвердить ограниченность действий находящейся в кризисе системы международной безопасности мы мо-

жем кратким анализом решений, принятых её центральными институтами – Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей – по проблеме сирийского конфликта.

Таблица

Характеристика основных документов ООН по Сирии

Наименование документа	содержание
1–3 августа 2011 г. в СБ ООН было принято заявление от лица председателя	<i>осуждает</i> действия сирийских властей против мирного населения. В документе отражена позиция, согласно которой урегулирование ситуации в стране должно решаться без вмешательства извне
Резолюция Генеральной Ассамблеи 16 февраля 2012 г. Ситуация в Сирийской Арабской Республике	<i>подтверждает</i> роль региональных и субрегиональных организаций в поддержании международного мира и безопасности, что все государства-члены ООН должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства; <i>осуждает</i> любое насилие, откуда бы оно ни исходило, и призывает все стороны в Сирийской Арабской Республике, включая вооруженные группы, незамедлительно прекратить любое насилие или репрессалии в соответствии с инициативой Лиги арабских государств; <i>требует</i> , чтобы правительство Сирийской Арабской Республики выполнило решения Лиги арабских государств от 2 ноября 2011 г., от 22 января и 12 февраля 2012 г.
21 марта 2012 г. СБ ООН заявление председателя	<i>поддерживает</i> План мирного урегулирования ситуации в Сирии, разработанный при участии России и Лиги арабских государств и предложенный спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии Кофи Аннаном; План предусматривает прекращение всех форм насилия между сторонами, вывод из населённых пунктов армейских подразделений и тяжёлых вооружений, оказание гуманитарной помощи всем пострадавшим в результате боевых действий, освобождение задержанных лиц, а также свободное передвижение представителям СМИ и соблюдение свободы объединений и права на мирные демонстрации.
Резолюция 2042 (2012 г.), принятая Советом Безопасности на его 6751-м заседании 14 апреля 2012 г	<i>призывает</i> все стороны в Сирии, включая оппозицию, немедленно прекратить любое вооружённое насилие во всех его формах; <i>постановляет</i> санкционировать направление передовой группы численностью до 30 невооружённых военных наблюдателей для налаживания связи со сторонами и начала освещения осуществления полного прекращения вооружённого насилия во всех его формах и всеми сторонами до развёртывания миссии.

Продолжение таблицы на стр. 40

Продолжение таблицы

Наименование документа	содержание
Резолюция 2043 (2012 г.), принятая Советом Безопасности на его 6756-м заседании 21 апреля 2012 г.	<p><i>осуждает</i> широкомасштабные нарушения прав человека сирийскими властями и любые нарушения прав человека вооружёнными группами</p> <p>призывает все стороны в Сирии, включая оппозицию, немедленно прекратить любое вооруженное насилие во всех его формах;</p> <p><i>постановляет</i> создать на первоначальный период в 90 дней миссию ООН по наблюдению в Сирии (МООННС) под командованием главного военного наблюдателя и в составе первоначально развёртываемых невооружённых военных наблюдателей численностью до 300 человек, а также надлежащего гражданского компонента</p>
Резолюция Совета Безопасности ООН № 2118 (2013 г.) о постановке под международный контроль и ликвидации сирийской программы химического оружия, принятая на заседании СБ ООН 27 сентября 2013 г.	<p><i>постановляет</i>, что применение химического оружия где бы то ни было представляет собой угрозу международному миру и безопасности;</p> <p><i>осуждает</i> самым решительным образом любое применение химического оружия в Сирийской Арабской Республике, в частности, нападение 21 августа 2013 г., в нарушении международного права;</p> <p><i>одобряет</i> решение Исполнительного совета ОЗХО по быстрой ликвидации программы Сирийской Арабской Республики по химическому оружию и соответствующей строгой проверке этого, и призывает к её скорейшей и как можно более безопасной полной ликвидации;</p> <p><i>постановляет</i>, что Сирийская Арабская Республика не должна применять, разрабатывать, производить, иным образом приобретать, накапливать или хранить химическое оружие или передавать прямо или косвенно химическое оружие другим государствам или негосударственным субъектам;</p> <p><i>обращает особое внимание</i> на то, что ни одна из сторон в Сирии не должна применять, разрабатывать, производить, приобретать, накапливать, хранить или передавать химическое оружие.</p>
Резолюция 2199 (2015 г.), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г.	<p><i>подтверждает</i> свою главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, что терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьёзных угроз международному миру и безопасности;</p>

Продолжение таблицы на стр. 41

Окончание таблицы

Наименование документа	содержание
Резолюция 2199 (2015 г.), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г.	<p><i>выражает</i> свою глубокую обеспокоенность по поводу того, что нефтяные месторождения и связанная с ними инфраструктура, а также другие объекты инфраструктуры, такие, как плотины и электростанции, находящиеся под контролем ИГИЛ, ФАН и, возможно, других лиц, групп, предприятий и организаций, связанных с «Аль-Каидой», наряду с вымогательством, частными иностранными пожертвованиями, похищением людей с целью получения выкупа и кражей денег на контролируемой ими территории являются для этих групп источником значительной доли поступлений, за счёт которых финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты,</p> <p><i>осуждает</i> всякое участие в прямой или не прямой торговле, в частности, нефтью и нефтепродуктами, а также блочными нефтеперегонными установками и связанными с ними материальными средствами, с ИГИЛ, ФАН</p>
Резолюция 2249 (2015 г.), принятая Советом Безопасности на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 г.	<p><i>подтверждает</i>, что терроризм во всех формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьёзных угроз международному миру и безопасности, что ИГИЛ, Фронт «Ан-Нусра» (ФАН) и все другие лица, группы, предприятия и организации, связанные с «Аль-Каидой» – глобальная и беспрецедентная угроза международному миру и безопасности;</p> <p>безоговорочно и самым решительным образом <i>осуждает</i> совершенные ИГИЛ террористические нападения;</p> <p><i>настоятельно призывает</i> государства–члены активизировать свои усилия по перекрытию притока иностранных боевиков–террористов в Ирак и Сирию и предотвращать и пресекать финансирование терроризма.</p>

Из таблицы видно, что Совет безопасности, реагируя на инциденты, фактически ограничивается самим фактом обсуждения той или иной проблемы, что действительно очень важно – это уникальная возможность оценки рисков через сопоставление изложенных принципиальных подходов того или иного государства к актуальным международным проблемам для проведения двусторонних контактов по их локализации. Сами же решения сводятся, в лучшем случае, к осуждению тех или иных действий и различным призывам.

В связи с отсутствием действенного превентивного, локализационного и ликвидирующего международного механизма безопасности, и с учётом тенденции к превращению конфликта в Сирии в региональный и глобальный существенную роль начинают играть инициативные, неформальные встречи групп государств. Так, в октябре 2015 г. в Вене состоялась две встречи – сначала «четвёрки»: России, США, Саудовской Аравии и Турции, а затем почти 20 государств, а также представителей Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудниче-

ства (ОИС) и ЕС. Представляется что такой пример важен для повышения эффективности международной системы безопасности: согласованные предложения участников этих переговоров вполне могут быть превращены в нормативный акт Совета безопасности. Несмотря на имеющиеся разногласия, в Вене было достигнуто взаимопонимание о необходимости проведения встречи представителей Правительства Сирии и сирийской оппозиции для запуска политического процесса, ведущего к созданию пользующегося доверием, инклюзивного, без конфессиональных предпочтений, управления с последующим принятием новой конституции и проведением выборов.

Дестабилизирующее воздействие на мировой порядок трансформировавшегося внутреннего, этноконфессионального сирийского конфликта в региональный и глобальный, кардинальное качественное изменение его содержания настоятельно требует активизации совместной деятельности мирового сообщества по его разрешению. Прообразом и одновременно важнейшей несущей конструкцией обновляющейся системы международной безопасности вполне может стать международная антитеррористическая коалиция без политизации и предварительных условий, сеть механизмов и соглашений, создаваемых её участниками.

Саймонс Г.

Создание альтернативной реальности: западные нарративы о вмешательстве России в Сирийский конфликт

Однажды продюсер Би-Би-Си отметил в своей статье, что «в совре-

менную эпоху средства массовой информации, несомненно, являются орудием войны, т.к. победа в войне в наименьшей степени зависит от умения формировать общественное мнение дома и за рубежом, чем от победы над врагом на полях сражений» [93, р. 81]. Внутри геополитического информационного конфликта есть два аспекта использования информации: наступательный и оборонительный. Внутри информационного пространства они существуют одновременно и усиливают друг друга. Наступательный аспект связан с проникновением в информационное пространство цели посредством своего сообщения, которое по своему предназначению должно ниспровергнуть оппонента, подрывая его нематериальные активы, что ослабляет возможность их оперативно-го использования. Сюда также входит атака на контрнарратив оппонента и способность эффективно обмениваться информацией. Что касается оборонительного аспекта, то информация используется для поддержки и защиты нарратива нападающей стороны и способности эффективно обмениваться информацией, т.е. защищать свои собственные нематериальные активы, что позволит обеспечить большую свободу действий в том, что касается оперативных соображений и возможностей.

Признание существования геополитического аспекта было сделано в выпущенной на скорую руку работе Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди, в которой нет ни грамма научности (например, необходимость указания источника) и выдвинуто обвинение против России в нарушении геополитического статус-кво [85].

По мнению экспертов, в статьях о России наблюдаются некие общие подходы, где собранные воедино ключевые слова, слоганы и технологии формируют негативный образ России и её предполагаемых намерений [91]. Антироссийский уклон отмечен и в других статьях. К ним относятся и такие уважаемые медиа-источники, как Нью-Йорк Таймс [83], где появился ряд легко опознаваемых западных нарративов о вмешательстве России в Сирийский конфликт. Такое разнообразие свидетельствует о наличии разногласий у западной публики, которая стремится ориентироваться на нормы и ценности в попытках определить, соответствуют ли действия России интересам безопасности Запада, или противоречат им. Упомянутые выше наступательный и оборонительный аспекты использования информации легко прослеживаются в этом геополитическом конфликте.

Причина гуманитарной катастрофы и эскалации

Есть целый ряд статей, где говорится о гибели мирного населения в результате авиаударов российской авиации. В некоторых из них утверждается, что неуправляемые снаряды убивают всё гражданское население без разбора. Источником подобных голословных утверждений является «НПО» «Сирийская обсерватория прав человека» [97]. При этом достаточно интересным является тот факт, что за год бомбёжек Западными вооружёнными силами и более чем 20000 сброшенных бомб Обсерватория ни разу не сообщила ни об одном случае гибели среди мирного населения. В результате этого возникла дискуссия о том, как

«уберечь» гражданское население от авиаударов именно России [84]. И никаких дебатов в Западных СМИ по поводу защиты гражданского населения Йемена от непрерывных авиаударов Саудовской Аравии, что ещё раз иллюстрирует избирательную природу критических заявлений.

Затем последовали истории о предполагаемых последствиях российских авиаударов. Одна из них – голословное утверждение о том, что именно это стало причиной массового бегства гражданского населения с этих территорий в Европу [73]. Другими словами, месяц авиаударов России сделал больше, чем четыре года подрывной деятельности Запада и поддержки им вооруженных восстаний. Ещё одна подборка историй рассказывает о русском «плане действий» или «стратегии игры» Москвы и часто даже заходит ещё дальше, напрямую ассоциируя его с Путиным. Запоминающиеся фразы типа: «русские сапоги уже на месте», «российские планы – фактор, изменяющий правила игры», «гамбит России», и т.п. используются в попытках спрогнозировать российскую угрозу и агрессию [81; 94; 103; 99]. Ещё одна претензия касается утверждений о том, что российские военные используют Сирию как полигон для испытания российских систем вооружения и тактических схем [88]. Другими словами, создаётся впечатление, что действия России продиктованы исключительно собственными интересами, а не поддержкой союзника, который является мишенью для прозападных попыток свергнуть режим. Впоследствии была осуществлена попытка усилить эту тему статьёй в Нью-Йорк Таймс, где сделан вывод, что Путин весьма холодно принял Асада: «Президент Рос-

сии Путин весьма пренебрежительно беседовал с опальным лидером Сирии Башаром аль-Асадом и мало озабочен его дальнейшей судьбой» [88]. И всё же представленное «доказательство» выглядит в лучшем случае необоснованно.

Один из самых популярных нарративов заключается в том, что целью России является не ИГИЛ, а «умеренные» повстанцы, поддерживаемые США [69]. Этот нарратив был скомпрометирован тем, что недавно США отказались от программы подготовки и оснащения «умеренных» повстанцев из-за того, что количество умеренных было недостаточным, и из-за дезертирства тех, кого они подготовили в Аль-Каиду и ИГИЛ. Были также попытки представить умеренными повстанцев Аль-Нусры, даже несмотря на то, что они являются подразделением Аль-Кайды.

Ещё одна привычная тема в западных СМИ – представлять вмешательство России как конфронтационное, обостряющее конфликт и всё же, в конце концов, обречённое на провал. Примеры, иллюстрирующие первую часть, имеют тенденцию к изображению России как преднамеренно конфронтационной по отношению к Западу и США в особенности [65; 97]. В одной статье были проведены параллели между вмешательством России в Сирийский конфликт и Испанией 1938 г. / Сараево в июне 1914 г. В ней утверждается, что Россия потенциально может разжечь гораздо больший конфликт, вступая в прямую конфронтацию с НАТО. При этом Путина обвиняют в том, что он «достаточно самонадеян», когда «пытается довести до крайности США и Запад» [101].

Многие предположения, сделанные в той статье, были достаточно высокими, создавая впечатление, что едва ли противоположную сторону попытаются понять. Останутся ли США безучастными к попыткам иностранных держав напасть на одного из её союзников с целью смены режима?

Эскалации конфликта в Сирии из-за действий России посвящено множество статей [59; 64; 76], где источники остаются анонимными, кавычками пользуются, как захочется, не забывают и о привычных страшилках. Особенно много страшных историй о России в блогах БлогМаер (the BlogMire blogs). В конечном счете, действия России осуждаются, поскольку они обречены на успех [60; 63; 90]. Интересно отметить, что действия России по поддержке правительства Сирии описываются как «вмешательство», в то время как незаконное ниспровержение Западом того же правительства считается «легитимным».

В очевидной попытке найти подтверждения провалу военной операции России в Сирии тщательный анализ военных действий подвергается пристальному исследованию и критике. Например, истории начали появляться уже через месяц после начала военных действий [86; 102]. Выводы намеренно делаются только в поддержку предположения, что миссия обречена на провал, произойдёт эскалация конфликта, будет много жертв среди гражданского населения. Однако, несмотря на то, что негативно в адрес России высказывается большинство Западных СМИ, есть и те, кто настроен по-другому.

Нестандартные аргументы

Сюда относится разнообразие историй, в центре которых целый ряд вопросов: положительная роль России в Сирии, предвзятое отношение к России и пропаганда против неё, а также негативные аспекты Западного вмешательства. К первой из упомянутых категорий относится ряд статей, где положительная роль России очевидна [104]. К ним относится статья Гардиан о предложении России, сделанном в 2012 г., заставить Асада уступить свой пост. Однако Запад отверг это предложение, поскольку казалось, что Асад и так едва держится [62]. Британский таблоид «Экспресс» дал очень позитивную оценку авиаударам России. Он утверждал, что джихадисты деморализованы и отступают. Однако, в то же самое время, без упоминания каких-либо надежных источников таблоид уведомил о том, что Россия собирается ввести в действие войска численностью 150 000 человек (используя нарратив «жестокий диктатор» против «про-демократически настроенных» повстанцев) [75]. Подобных статей меньшинство, но создаётся впечатление, что они созвучны настроениям части западной публики.

Есть статьи, где участие Запада в Сирийском конфликте подвергается критике. Например, публицистическая статья, полемизирующая с редакторской позицией, которая указала на лицемерие Запада и отметила, что у него недостаточно высокоморальная позиция, чтобы критиковать Россию. Автор этой статьи подробно рассматривает утверждение о том, что у России нет полномочий присутствовать в Сирии. Он указывает на тот факт,

что Россия получила приглашение от законного правительства, в то время как международный альянс, возглавляемый США, пытающийся сменить режим в Сирии, таких приглашений не получал [74]. Среди других подобных статей – история о том, что США создали оружие, которое начало появляться на полях сражений в Сирии сразу после вмешательства России, например, противотанковые ракеты [61]. Статей подобного типа – немного.

Рассмотрим заключительную категорию Западной пропаганды и предвзято поданной информации. К этим историям относится анализ нарратива «праведность США против несправедности России» [95]. В некоторых слоях западного общества растёт тревога в связи с уровнем и качеством журналистики, особенно, когда речь заходит об описании действий России или о ней самой [82]. В некоторых статьях даже фигурирует критика, высказанная Россией в ответ на критику Запада в свой адрес. Например, статья в Вашингтон Таймс, где утверждается, что обвинения в бомбежке гражданского населения необходимо либо доказать, либо прекратить выступать с подобными заявлениями (эти обвинения главным образом делаются на основании «информации», предоставленной Сирийской обсерваторией прав человека) [77].

Вывод

Ясно, Россия бросила вызов глобальной гегемонии США, существующей с конца холодной войны (1991 г.). Одно из событий, которое наглядно это продемонстрировало, – Российское военное вмешательство в Сирийский конфликт, застигнувшее Запад

врасплох. Подобный рост геополитического соперничества вызвал дальнейшее усиление информационной войны, существовавшей до этого события в Сирии. В отличие от предыдущих событий, США ведёт негативную политическую пиар-компанию, в которой используются меры скорее информационного нападения, чем защиты.

Манойло А.В.

Сирийский вектор «Русской весны»

30 сентября 2015 г. по просьбе руководства Сирии и по согласованию с ним Россия начала воздушную операцию ограниченного контингента своих Воздушно-космических сил (ВКС) против международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ) и других экстремистских организаций, захвативших в течение последних трёх лет большую часть территории Сирии, а также значительную часть Ирака. Как отмечает А.И. Гушер, «решение российского руководства по Сирии было просчитанным и стратегически обоснованным, а для многих зарубежных «партнёров» России ещё и неожиданным» [19] – это тот самый асимметричный ответ экспансии США и их союзникам, которые пытаются подчинить себе волю российского народа санкциями, угрозами, развязыванием вооружённых конфликтов у границ страны, попытками применения технологий цветных революций, информационной войной.

Сегодня, давая оценку совместным военным успехам России и Сирии в борьбе с международным терроризмом, многие эксперты продолжают задаваться вопросом: зачем Россия,

находясь в сложном международном положении и переживая острый экономический кризис, ввязалась в военный конфликт между режимом Асада и «сирийской умеренной оппозицией», из состава которой Соединённые Штаты только недавно исключили «Исламское государство» (ИГ). По данным Генерального штаба ВС России, всего за один месяц российские самолеты в Сирии совершили 1391 боевой вылет, уничтожив при этом 1623 объекта боевиков [17]. Кроме того, 7 октября 2015 г. по выявленным стационарным объектам военной инфраструктуры террористов на сирийской территории был нанесён удар 26 крылатыми ракетами «Калибр» с кораблей и катеров Каспийской флотилии ВМФ России. Начало военной операции, успешное для российско-сирийской коалиции, население России восприняло с несомненным энтузиазмом: Сирия – не Украина, она далеко, и для большинства российских граждан эта война воспринимается как увлекательная компьютерная игра. Действительно, российская авиация «бесконтактно» поражает цели на территориях, контролируемых ИГ, «Джабхат ан-Нусра» и другими исламистскими группировками; под ударами ВКС РФ террористы бегут, оставляя свои долговременные укрепленные позиции; «прокачанные» ракеты класса земля-поверхность «Калибр», запущенные с кораблей Каспийской военной флотилии, поражают цели на территории Сирии, предварительно пролетев над Ираном, Ираком и позициями сирийской армии. Всё это, несомненно, выглядит эффектно, подчёркивает значительно возросшую эффективность российских вооружённых сил и вызывает обоснованные

опасения у наших военно-политических соперников. Особенно их поразил «краш-тест» российских крылатых ракет, долетевших от Каспия до Сирии: сначала в западных СМИ просто отказывались верить в то, что российские ракеты способны летать на такие расстояния, и все ждали сообщения от Ирана о том, что всё, запущенное с Каспия, попадало на его территории; затем эта позиция сменилась откровенно паническими настроениями, которые волшебным образом увеличили и боевые возможности, и дальность новейших российских «крылаток»: теперь, по мнению западных СМИ, они в состоянии долететь до Нью-Йорка и Вашингтона «без дозаправки в воздухе».

Война в Сирии – всего лишь часть процессов, которые охватили весь Ближний Восток и Северную Африку после «цунами» так называемых революций «Арабской весны», уничтоживших светские режимы в целом ряде стран, являвшихся лидерами Арабского мира – в Египте, Ливии, и практически уничтоживших светский режим в Сирии. Одновременно с этим под напором «Арабской весны» была уничтожена система коллективной безопасности, позволявшая светским режимам Сирии, Ливии, Туниса, Египта и др. стран десятилетиями сдерживать натиск исламистов, жестоко подавлять любые попытки террористов вмешаться в мирную жизнь. Сегодня уже очевидно, что революции «Арабской весны» истинными революциями как раз и не были, это англосаксонские технологии организации государственных переворотов, известные во всем мире под названием революций «цветных». США, решившие в конце

2010 г. реформатировать весь Арабский восток, погрузив его с помощью цветных революций в «управляемый хаос», преследовали свои цели: они надеялись тем самым обеспечить себе надёжный стратегический тыл в преддверии готовившейся ими наземной военной операции против Ирана. Именно поэтому удар цветных революций пришёлся сначала на Ливию, с которой США так и не удалось договориться по принципиальным вопросам, даже несмотря на беспрецедентное сближение двух стран в 2008–2009 гг., в ходе которого США уже практически согласились признать режим Каддафи легитимным; а затем – на алавитскую Сирию, которая была на тот момент единственным военно-политическим союзником Ирана на Ближнем Востоке, представленном, в основном, суннитскими политическими режимами. Этот удар был настолько силён, что в мае 2012 г. никто не давал режиму Асада больше двух недель существования. Несомненно, так бы оно и было, если бы не одно «но»: уже в сентябре стратегические планы США в регионе поменялись (наземную операцию против Ирана пришлось отложить) и Вашингтон временно потерял к Сирии интерес. Это и позволило Асаду выжить, а всему остальному миру говорить о том, что в Сирии по неизвестным причинам цветная революция «забуксовала» – впервые за всю историю «Арабской весны».

Как известно, цветные революции не решили проблему с «демократизацией» Арабского востока – они лишь разрушили политическую жизнь арабских стран и полностью демонтировали светские политические режимы, систему политических институтов,

образовав «вакуум» власти. В образовавшийся «вакуум» хлынули те самые силы, которые светские режимы Туниса, Ливии, Египта, Сирии и других стран жестоко и бескомпромиссно подавляли на протяжении 30–40 лет: этими силами стали исламисты и террористы. В Египет в результате «Арабской весны» пришли «Братья-мусульмане»; в Сирии против Башара Асада выступили джихадисты со всего мира, основной ударной силой т.н. «Сирийской свободной армии» стали отряды сирийской ячейки Аль-Кайды, а впоследствии к этим силам присоединилось ИГИЛ. Американцы, к этому моменту потерявшие интерес к Тунису, Египту, Ливии (там вообще после свержения Каддафи всё было пущено на самотёк, кроме распределения нефтяных контрактов), стали активно сотрудничать с антиасадовскими силами, видя в них инструмент «окончательного решения сирийского вопроса». При этом США проявили характерную для них гибкость, выстраивая партнерские отношения с теми самыми силами, против которых они много лет воевали в Афганистане, Ираке и по всему миру: с Аль-Кайдой и Талибаном, боевики которых сформировали ядро исламистских группировок, объединённых западными политтехнологами под единым брендом «Сирийской свободной армии», а впоследствии – под брендом «умеренной сирийской оппозиции». В этом нет ничего удивительного: в Афганистане между США и талибами также выстроились отношения «стратегического партнёрства», создававшие в течение многих лет иллюзию непримиримой борьбы США с международным терроризмом и, одновременно, оправдывавшей присут-

ствие американских и натовских войск на земле суверенного Афганистана. В Сирии и Ираке американцы всего лишь повторили привычный для них формат сотрудничества с исламистами – на фоне общей имитации борьбы с ними. Учитывая, что и Аль-Кайда, и ИГ изначально создавались при прямом участии Соединённых Штатов и были их политтехнологическим «проектом», нет ничего удивительного в том, что определённое чувство «родства» между исламистами и США сохранилось, что не может не способствовать их сближению при решении общих целей и задач.

В Сирии режиму Башара Асада противостоит международный террористический интернационал, состоящий из ИГ, различных региональных группировок сетевой террористической организации Аль-Кайда и прочего сброда из террористов, исламистов, наёмников и просто бандитов, гордо именуемых Соединёнными Штатами «умеренной сирийской оппозицией». Наиболее опасной из них, в контексте текущей политической ситуации в регионе, является ИГ, но при этом сразу следует оговориться: помимо ИГ, против Асада действует около сотни исламистских группировок, большинство из них ничем от ИГ не отличаются (найдите десять отличий между ИГ и Джабхат ан-Нусрой), поэтому их часто путают; три-четыре группировки, входящие в т.н. «умеренную оппозицию» и конфликтующие с ИГ (такие как Джабхат ан-Нусра, боевое крыло сирийской ячейки Аль-Кайды), по боевой мощи приближаются к ИГ или даже превосходят его по числу боевиков (так, у фронта Ан-Нусры не меньше 45 тысяч боевиков – это срав-

нимо с ИГ или даже превосходит ИГ по численности).

ИГ самим фактом своего существования обязано внешней политике США, которые в 2006 г. создали эту группировку на базе иракской ячейки Аль-Кайды для борьбы с режимом Башара Асада; кадровым ядром боевых подразделений ИГ стали солдаты и офицеры бывшей иракской армии, от которых отказалось новое правительство Ирака. Важно понимать, что на жёсткой политике десуннизации и «дебаасизации» послевоенного Ирака настаивало не шиитское большинство – настаивали именно Соединённые Штаты, создавшие, тем самым, ресурсную базу для набирающего силу исламистского движения нового типа. В результате этой непродуманной политики Соединённых Штатов (а, может, напротив, очень продуманной и просчитанной) ИГ контролирует до 70 % территории Сирии, значительную часть Ирака; располагает боевой силой в виде 40–50 тысяч отборной пехоты, не испытывает проблем с оружием, которое оно получает в виде «спонсорской помощи» от стран, использующих ИГ в своих целях, или закупает за валюту, полученную от продажи Турции нефти по демпинговым ценам, или получает от самих американцев, которые очень часто путают группировки, относящиеся к ИГ и к поддерживаемой США «умеренной оппозиции»; обладает развитой системой военно-гражданской администрации, созданной ими на захваченных территориях. Все это позволяет ИГ вести наступательные действия одновременно сразу по четырём стратегическим направлениям, что подчёркивает военно-экономический потенциал этой группировки.

Боле того, ИГ постепенно превращается в ядро сетевой организации – своеобразной террористической «федерации», в которую на правах полного иерархического подчинения входят различные исламистские группировки, действующие в Азии Африке, Европе – такие, как узбекская Хизб-ут-Тахрир, нигерийская Аш-Шабаб, и даже некоторые ячейки Аль-Кайды: так, йеменская ячейка Аль-Кайды в 2014 г. официально признала «верховенство» ИГ.

Вместе с тем, сами сирийцы утверждают, что ИГ – это, во многом, растиражированный бренд; его опасность никто не отрицает, но при этом подчёркивается, что среди «умеренной оппозиции» есть группировки, более опасные, многочисленные и жестокие, чем ИГ. Речь идет о Джабхат ан-Нусре, сирийской ячейке Аль-Кайды. Именно эти группировки Запад стремится накрыть «зонтиком» «умеренной сирийской оппозиции», рассчитывая с помощью этих сил окончательно дожать режим Асада, а Россия наносит по их позициям воздушные удары. В этом плане американцы проявляют повышенную нервозность, поскольку речь идёт о том, что Россия своими ударами уничтожает их собственный проект, их «активы», в формирование, подготовку и вооружения которых Соединёнными Штатами вложены огромные деньги. Прямое требование США «прекратить уничтожать наши активы в Сирии» вызвано не столько опасениями потерять в лице сирийских исламистов удобные инструменты «грязного» решения собственных внешнеполитических проблем, сколько попыткой понять, кто же будет компенсировать ущерб от утраченных ин-

вестиций, вложенных в радикальные формирования, успешно уничтожаемые в настоящее время российской авиацией, если Россия их полностью уничтожит. В последнем случае деньги американских налогоплательщиков в очередной раз «развеются по ветру».

В Сирии боевые действия развиваются сразу в двух частях страны: сирийская армия, поддерживаемая с воздуха российскими ВКС, наступает сразу по трём направлениям – в провинции Латакия, провинции Хома и в провинции Алеппо; недавно российские ВКС нанесли удары по целям в провинции Идлиб и Ракка; с севера наступление на непризнанную столицу ИГ город Эр Ракку готовят США, собравшие для этого сирийских курдов (Демократический союз), христиан-ассирийцев (Высший военный совет) и присоединив к ним несколько мелких группировок из числа «умеренной сирийской оппозиции», давших свое согласие поддержать наступление. Россия успешно наносит удары по объектам ИГ и других исламистских группировок, значительная часть которых, несмотря на явную связь с Аль-Каидой, входит в состав «умеренной оппозиции», поддерживаемой США. Сирийская армия после ударов российской авиации по позициям ИГ (в основном это огневые точки и бункеры, расположенные на господствующих высотах) планомерно зачищает пространство, заполненное разбежавшимися и рассредоточившимися на местности боевиками ИГ, продвигаясь медленно, часто встречая ожесточённое сопротивление и отбивая контратаки. Контролируя к моменту начала Россией воздушно-космической операции не более 14% территории госу-

дарства, сирийская армия в настоящий момент взяла под свой контроль уже около трети всей территории страны. Сирийских солдат в этом наступлении поддерживает корпус иранских (бригада «аль-Кудс») и ливанских (Хезбалла) добровольцев, начитывающий примерно 50–60 тыс. бойцов.

Сирийская армия, отвечающая за наземную фазу операции против ИГ, – это самая крупная (и, фактически, единственная) организованная сила, выступающая против ИГ и террористического интернационала. Состоит она в основном из алавитских частей, которые сохраняют верность Асаду и будут бороться с ИГ до конца. Помимо алавитов, на стороне Асада выступают исмаилиты, часть друзов, христиане, небольшая часть суннитов и часть шиитов-джафаритов, что составляет 40–50% населения страны. Одной из причин стойкости алавитских частей (двух отдельных бригад, двух дивизий, ряда отдельных частей и формирований, подразделений государственной безопасности, контрразведки ВВС) заключается в понимании того, что для них эта война ведётся за выживание: ИГ, входя в населённые пункты, вырезает всех, не принадлежащих к суннитской ветви ислама. Алавиты же – шиитская секта, которая представляет собой любопытную смесь ислама и христианства. Вместе с тем, сирийская армия слишком малочисленна для того, чтобы добиться в одиночку решающего перевеса над вооружёнными формированиями исламистов. Вот почему Россия, начав с согласия сирийской власти воздушно-космическую операцию против ИГ и других террористических группировок, возродила надежду у народов, населяющих Си-

рию, в том, что на эту землю наконец-то придёт мир, утраченный с началом «Арабской весны».

Гражданская война в Сирии, берущая свое начало в событиях «Арабской весны», с 2011 г. развивалась нелинейно, с различной интенсивностью: так, в период интенсивного развития украинского кризиса 2013–2015 гг. вооруженный конфликт в Сирии был фактически заморожен, поскольку ни мятежникам, ни правительственным войскам в сущности не хватало сил для достижения решающего перевеса в вооруженном противостоянии. Попытки США пустить сирийский конфликт по ливийскому сценарию, проведя через СБ ООН резолюцию, разрешающую военную интервенцию, к результату не привели: Россия и Китай заблокировали прохождение подобной резолюции. Затем США несколько раз предпринимали попытки найти новые поводы – уже подзаконные – для вторжения в Сирию и повторения в ней иракского сценария: в Сирии было обнаружено химическое оружие, от которого США спасла всё та же Россия, организовавшая программу его утилизации; затем были зафиксированы обстрелы турецкой территории, ответственность за которые была возложена на сирийскую армию. Но это тоже не привело к открытому вторжению экспедиционных войск западных стран в Сирию: вспыхнула Украина, и противостояние США и РФ переместилось на новую площадку, о Сирии временно забыли, и война там носила позиционный характер до тех пор, пока не набрало силу ИГ. Сегодня ИГ – крупнейшая угроза международной безопасности, в том числе в геополитическом плане, поскольку ИГ формирует на захваченных террито-

риях исламский халифат – протогосударственное образование нового типа, а противостоит этой угрозе Российская Федерация, развернувшая в октябре 2015 г. воздушную операцию в Сирии (с разрешения сирийского правительства), сирийский режим Башара Асада, иранские и ливанские добровольцы, шиитское ополчение в Ираке, пешмерга и другие курдские группировки в иракском Курдистане, сирийские курды, поддерживающие в целом режим Асада, египетская армия на Синае и вооруженные отряды бывших оппозиционеров (режиму Каддафи) в Сирте (Ливия). При этом действия России в Сирии, воюющей против международных террористов, натываются на острую критику и даже угрозы со стороны США, Турции, КСА и других военно-политических союзников Вашингтона, которые настолько недовольны усилением геополитической роли России в регионе, что готовы встать на защиту исламистов и террористов (по крайней мере, из лагеря так называемой «умеренной оппозиции»).

Для России военная операция в Сирии важна тем, что благодаря этому незаурядном внешнеполитическому ходу, ставшему неожиданным для США и во-многом спутавшему их планы в регионе, Россия фактически перехватила у Запада стратегическую инициативу на Большом Ближнем Востоке. В попытке её вернуть США спешно готовят наступление курдов, ассирийцев и собственного спецназа на Ракку (нефтяную столицу Сирии и главный административный центр ИГ), надеясь показать, кто в борьбе с ИГ главный, и одновременно дать шанс исламистам «сдаться» и, тем самым, «сохранить себя для борьбы с

абсолютным злом – режимом Асада» (как американцы делали в 1945 г., разоружая немецкие дивизии и сохраняя их кадры в специальных лагерях для будущей войны с СССР). Но эта спешка со стороны США уже никого обмануть не может: лидеры арабских государств все как один потянулись в Москву, интуитивно понимая то, что журналисты журнала Шпигель недавно (в октябре 2015 г.) сформулировали в явном виде: «Эпоха доминирования Запада осталась позади, Америка больше не устанавливает порядок в мире и не гарантирует его» [99]. В Европе это тоже прекрасно видят: именно поэтому 25 октября 2015 г. в Вене, на встрече глав внешнеполитических ведомств России, США, Саудовской Аравии и Турции, было принято политическое решение «сохранить режим Асада» до беспорной военной победы над ИГ.

Очень важно понимать, что именно Россия сегодня ставит жирную точку в сценарии «Арабской весны», погрузившей мирный Ближний Восток и Северную Африку в кровавый хаос и стоивший странам, ставшим жертвами технологий цветных революций, сотен тысяч жизней их граждан. Россия, показавшая на деле, что с исламистами не только нужно, но и можно бороться, развеявшая миф о непобедимости ИГ, сегодня повсеместно на Арабском востоке воспринимается как сила, способная гарантировать послевоенный миропорядок, который установится после победы над ИГ и Аль-Кайдой. Именно поэтому к России тянутся за помощью и защитой, Россия стала центром притяжения для всего Арабского мира, единственной силой, способной защитить от ИГ, цветных революций и «управляемого хаоса». Если бы не Рос-

сия, режим Асада бы через некоторое (не очень большое) время неизбежно бы пал, тем самым позволив американцам довести «Сирийскую весну» до финала, предусмотренного сценарием цветной революции. То, что этого не произошло, свидетельствует о том, что в мире появилась новая сила, способная дать решительный отпор цветным революциям, в какой бы форме и под каким бы идеологическим прикрытием они не применялись.

Абрамов А.В.

События в Сирии и консолидация российского общества (Заключительное слово)

Помимо тех аспектов, на которые обратили пристальное внимание участники «круглого стола», хотелось бы сказать ещё об одном измерении Сирийского кризиса: о его значении для внутренней политики России.

Начиная с 2014 г., российские социологи констатируют изменения политического сознания россиян. Выдержанная в конфронтационном духе политика Запада привела к небывалому сплочению общества, осознавшего возникшие внешнеполитические опасности и угрозы. Согласно социологическому опросу, проведенному в 2015 г. накануне Дня народного единства и согласия, за период с 2012 по 2015 гг. процент респондентов, согласных с тем, что в России есть народное единство, вырос вдвое: с 23 % до 54 % [13].

Если ещё два года назад главными объектами национальной гордости россиян были прошлое страны, спорт и культурные достижения, то есть,

хотя и важные, но неполитические и, по преимуществу, неактуальные проблемы, то с 2014 г. власть предоставила гражданам возможность гордиться актуальной политикой России. Правда, в силу незначительного числа внутривнутриполитических успехов, эта гордость распространяется по преимуществу на внешнеполитический курс страны.

Первым в чреде событий, вызвавших рост патриотизма граждан нашей страны, было, разумеется, «возвращение домой» Крыма; вторым – операция российских Воздушно-космических сил в Сирии.

Еще в 2013 г. россияне живо интересовались событиями в Сирии. По данным ВЦИОМ, интерес к ситуации на Ближнем Востоке проявляли 68 % россиян. Важно отметить, что большая часть опрошенных (77 %) была прекрасно осведомлена о том, что именно позиция России предотвратила вооруженное вмешательство США [27].

Через два года интерес к сирийской проблеме не угас. Согласно опросу, проведенному в октябре 2015 г, доля интересующихся конфликтом осталась прежней – за ситуацией с той или иной периодичностью следят более двух третей россиян (68 %), в том числе 22 % – регулярно. При этом респонденты склонны винить в затяжной кровопролитной войне не столько ИГ (всего 14 % обвиняющих), сколько США и их союзников (56 %). Решение Президента В.В. Путина об отправке военной авиации для нанесения ударов по террористам большинство респондентов (64 %) одобряет, соглашаясь с официальной точкой зрения о том, что *России следует участвовать в сирийском конфликте, чтобы остановить исламских террористов на*

дальних подступах, а не на собственной территории.

Вместе с тем, большинство опрошенных убеждены, что помощь России Сирии должна быть дипломатической (44%), гуманитарно-экономической (41%), ограничиться воздушными ударами (40%) и поставкой оружия и боеприпасов (24 %). Сторонников участия России в наземной операции всего 5 % [34].

Данные общероссийской социологии дополняют результаты опроса, проведенного студентами факультета истории политологии и права МГОУ О. Сметским и С. Щербаковым. Среди опрошенных ими молодых людей, 90% полностью или частично согласны с позицией, занятой российским руководством в сирийском кризисе. Однако доля сторонников более решительного участия России в конфликте выше, чем в среднем по России. За участие российских сухопутных сил в Сирии выступают 40% респондентов¹.

Успешное участие воздушно-космических сил в антитеррористической операции в Сирии и, прежде всего, поражение целей крылатыми ракетами, запущенными из акватории Каспийского моря, существенно изменили мнение россиян об армии. Если в 1990 г. 34 % считали, что армия отстает от лучших армий мира, а 15 % говорили, что её боеспособность на очень низком уровне, то сегодня 32 % называют российскую армию самой эффективной и боеспособной в мире (в 1990 г. – 5 %), а 49 % уверены, что она стоит в ряду лучших [7].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что сирийский кризис

¹ Текущий архив кафедры политологии и права МГОУ.

стал фактором консолидации российского общества и роста патриотизма граждан. Так, по сравнению с данными десятилетней давности, доля россиян, полагающих, что они уже живут или в ближайшее время будут жить в великой и сильной стране возросла с 52 % до 74 % [41].

Как представляется, в условиях информационно-аналитической войны, ведущейся Западом против России, рост гордости россиян политикой своей страны является не менее важным «капиталом», чем возможный выигрыш Российской Федерации на геополитическом поле. Об этом откровенно говорят и западные «эксперты», советуя своему правительству с помощью экономических санкций и обострения военных конфликтов в Сирии и на Украине вызвать падение уровня жизни россиян, разрушать консенсус в российском обществе и добиться свержения «режима Путина» [6].

Таким образом, деятельность России в Сирии перестает быть лишь внешнеполитическим событием, но становится важным фактором внутренней политики и обеспечения внутренней безопасности страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айдрус И. Будущее карты транспортных артерий Сирии [Электронный ресурс] // РСМД. 18.04.2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3548#top-content (дата обращения: 23.10.2015).
2. Айдрус И. Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка нефти и газа [Электронный ресурс] // РСМД. 29.11.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2744#top-content (дата обращения: 23.10.2015).
3. Алексеев В. Новая сирийская стратегия Тегерана // Современный Иран. Информационно-аналитический журнал. 2015. № 44. С. 61–65.
4. Алковерро Т. Сирийские христиане [Электронный ресурс] // InoSMI.ru. URL: <http://inosmi.ru/asia/20120322/188810287.html> (дата обращения: 29.10.2015).
5. «Аль-Хайят»: Саудовская Аравия предложила план урегулирования сирийского кризиса [Электронный ресурс] // АРИ: Агентство русской информации. URL: <http://ari.ru/news/2015/08/09/al-hayyat-saudovskaya-araviya-predlozhila-plan-uregulirovaniya-siriyskogo-krizisa> (дата обращения: 28.10.2015).
6. Арон Л. Как изменить позицию Путина // The Wall Street Journal. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151126/234583104.html> (дата обращения: 12.12.2015).
7. Армия России–2015 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2954 от 15.10.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115431> (дата обращения 11.11.2015)
8. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 2010. 256 с.
9. Бжезинский Зб. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар. отношения, 2010. 192 с.
10. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.: Десятовой; Астрель, 2012. 285 с.
11. Болотов С. США усомнились в своей способности управлять миром [Электронный ресурс] // Ридус. URL: www.ridus.ru/new/201626 (дата обращения 6 15.11.2015).
12. Бортников: ряд стран толкают мир к глобальному конфликту с помощью ИГИЛ. [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/bortnikov_ryad_stran_tolkayut_mir_k_globalnomu_

- konfliktu_s_pomoshchyu_igil (дата обращения: 28.10.2015).
13. В трудные времена россияне объединяются // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2966 (02.11.2015). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448> (дата обращения: 10.11.2015).
  14. Васильев А.М. Иран как шиитская сверхдержава: реальные и мнимые вызовы // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8. С. 3–7.
  15. Вспоминая забытый геноцид [Электронный ресурс] // Фонд Варнава, март-апрель 2015. URL: <http://barnabasfund.ru/wp-content/uploads/2015/04/Vspominaya-zabytyiyu-genotsid.pdf> (дата обращения: 01.12.2015).
  16. Выиграет тот, кто наладит отношения с Ираном без оглядки на США: интервью Александра Князева [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 23.11.2015. URL: <https://eadaily.com/news/2015/11/23/vyigraet-tot-kto-naladit-otnosheniya-s-iranom-bez-oglyadki-na-ssha-intervyu-aleksandra-knyazeva> (дата обращения: 23.11.2015).
  17. Генштаб отчитался об итогах работы российских ВКС в Сирии за месяц [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2015, 30 окт. URL: <http://lenta.ru/news/2015/10/30/targets/> (дата обращения: 7.11.2015).
  18. Грибанова Г.И., Луппов И.Ф. Противодействие терроризму как функция современного государства. Сыктывкар, 2009.
  19. Гушер А.И. Геополитические и стратегические аспекты операции Воздушно-космических сил России в Сирии. // Конфликтология / nota bene. 2015. № 4. С. 12–18.
  20. Ефимов В. Россия – Иран – Катар: Борьба за газовые рынки обостряется [Электронный ресурс] // Iran.ru. 12.03.2014. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92846/Rossiia_Iran_Katar_Borba_zh_gazovye_rynki_obostryaetsya (дата обращения: 03.11.2015).
  21. Звягельская И.Д. Архаизация и конфликты на Ближнем Востоке // Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН, 2015.
  22. Гришаева Л. Кризис миротворчества ООН // Обозреватель – Observer. 2008. № 4.
  23. Зис К., Флауэрс М. Американская империя подходит к переломному моменту. США стали «величайшей угрозой для человечества». С этим пора кончать // Global Research. 2014. 22 июля.
  24. Кузнецов А., Аджави Х. Ирано-саудовские отношения в 1979–2014 годах: между конфронтацией и диалогом [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12226> (дата обращения: 05.12.2015).
  25. Князев А. Карт-бланш. Тегеран-2015 рисует контуры нового Среднего Востока с участием Москвы [Электронный ресурс] // Независимая газета. 26. 11. 2015. URL: http://www.ng.ru/world/2015-11-26/3_kartblansh.html (дата обращения: 28.11.2015)
  26. Комлева Н.А. Войны сверхдержав: от «горячих» к гибридным // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 1.
  27. Конфликт в Сирии и политика России // ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2438 от 24.10.2013. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114576> (дата обращения: 11.11.2015).
  28. Лавров С.В. Раскол между суннитами и шиитами нельзя замести под ковёр [Электронный ресурс]. // Новая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2013-11-20/8_raskol.htm (дата обращения: 01.12.2015).
  29. Левонян А. Кто стоит за автономизацией сирийского Курдистана? [Электронный ресурс] // Еркрамас. URL: <http://www.yerkramas.org/article/?id=38584/anush-levonyan-kto-stoit-za-avtonomizaciej-sirijskogo-kurdistana> (дата обращения: 28.10.2015).

30. Мауджери Л. Двукратное «ура» доро-
гостоящей нефти [Электронный ре-
сурс] // Россия в глобальной политике.
03.07.2006. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6824 (дата обращения: 13.10.2014).
31. Махтади А. Иран и Сирия: история,
цели и будущее старых союзников
[Электронный ресурс] // Око планет-
ты. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/114851-iran-i-siriya-istoriya-celi-i-budushee-staryh-soyuznikov.html>
(дата обращения: 21.09. 2015).
32. Месамед В.И. Иран и вероятность аме-
риканской операции в Сирии [Элек-
тронный ресурс] // Институт Ближ-
него Востока. 28.08.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18135>
<http://www.iimes.ru/?p=18135> (дата обращения: 12.11.2015).
33. Минин Г. Геополитика газа и сирий-
ский кризис [Электронный ресурс] //
Фонд стратегической культуры.
25.05.2013. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/05/29/geopolitika-gaza-i-sirijskij-krizis-20759.html> (дата обра-
щения: 03.10.2014).
34. Наши в Сирии: первый опрос //
ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2949 от
09.10.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115423> (дата обра-
щения: 10.12.2015).
35. ООН. Генеральная Ассамблея. Сес-
сия 47-я. 1992. Официальные отчёты:
Повестка дня для мира: превентивная
дипломатия и смежные вопросы [Элек-
тронный ресурс]. URL: [A/Res/47/120//
http://www.un.org/ru/siteindex/
agenda_forpeace.pdf](http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf) (дата обращения:
10.11.2015)
36. Пан Ги Мун: сирийский кризис угро-
жает региональной и международной
безопасности [Электронный ресурс]
// Актуальные комментарии. URL:
http://actualcomment.ru/pan_gi_mun_siriyskiy_krizis_ugrozhaet_regionalnoy_i_mezhdunarodnoy_bezопасnosti.html
(дата обращения: 25.10.2015).
37. Панкратенко И.Н. Сирийский Сталин-
град Тегерана. // Современный Иран.
Информационно-аналитический жур-
нал. 2013. № 23. С. 51–57.
38. Подрывы газопровода на севере Егип-
та [Электронный ресурс] // РИА Но-
вости. 27.07.2011. URL: <http://ria.ru/spravka/20110704/397252362.html> (дата
обращения: 12.11.2015).
39. Противоречия между Катаром и Са-
удовской Аравией. [Электронный ре-
сурс] // Вопросик. URL: <http://voprosik.net/protivorechiya-mezhdu-katarom-i-saudovskoj-araviej/> (дата обращения:
12.11. 2015).
40. Путин В. Сирийская альтернатива //
Президент России [Официальный
сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обра-
щения: 29.10.2015)
41. Россия – великая держава?// ВЦИ-
ОМ: Пресс-выпуск №2570 от
24.04.2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114807> (дата обра-
щения: 12.08. 2015).
42. Сарабьев А.В. Кто удивлён вар-
варством в Пальмире? [Электрон-
ный ресурс] // Новое восточное
обозрение. 29.09.2015. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/09/26/kto-udivlen-varvarstvom-v-pal-mire> (дата
обращения: 01.11.2015).
43. Сатановский Е. Война на территории
трубопроводов [Электронный ресурс]//
Военно-промышленный курьер. № 29
(345) от 28.10.2010. URL: <http://vprk-news.ru/articles/6608> (дата обращения:
27.11.2015).
44. Сатановский Е. Между кризисом
и катастрофой [Электронный ре-
сурс] // Россия в глобальной поли-
тике. 23.11.2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-krizisom-i-katastrofoi-17823> (дата обра-
щения: 27.11.2015).
45. Сатановский Е. Ядерное сотрудни-
чество, газовое соперничество [Элек-
тронный ресурс] // Военно-промыш-

- ленный курьер. № 40 (558) от 29.10.2014. URL: <http://vpk-news.ru/articles/22455> (дата обращения: 27.11.2015).
46. Сирийский трубопроводный узел [Электронный ресурс] // *Мировая политика и ресурсы*. 29.09.2015. URL: <http://www.wpru.ru/archives/4174> (дата обращения: 20.11.2015).
47. Сирия и Иран: состояние и перспективы отношений в свете глобальной политики. [Электронный ресурс] // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6425> (дата обращения: 23.09.2015).
48. Террористическая организация “Исламское государство”. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/1264570> (дата обращения: 20.11.2015).
49. Томберг Р. И. Южный вектор российской газовой геополитики // *Восточная аналитика*. Ежегодник. 2011. М.: ИВ РАН, 2012. С. 100–105.
50. Филатов С. Вот нам сказали и правду [Электронный ресурс] // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7614> (дата обращения: 12.11.2015).
51. Фридман Дж. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века. М.: ЭКСМО, 2010. 336 с.
52. Харланов А.С. Методология и инструментарий геоэкономического инкорпорирования металлургической отрасли России в мировой рынок: автореф. дисс... д. экон. наук. СПб, 2012.
53. Шанзер Дж. Саудовская Аравия – самый опасный игрок в сирийском кризисе [Электронный ресурс] // *InoZpress*. URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/35534> (дата обращения: 28.10.2015).
54. Шиитский полумесяц [Электронный ресурс] // *Мировая политика и ресурсы*. URL: <http://www.wpru.ru/archives/tag/jemen> (дата обращения: 21.09.2015).
55. Шегаев И.С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2015. № 1.
56. Шуйеби Имад Фавзи. Сирия – центр газовой войны на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // *Сеть Вольтер*. Дамаск, 11.05.2012. URL: <http://www.voltairenet.org/article174109.html> (дата обращения: 20.11.2014).
57. Al-Tamimi, Aymenn. The Evolution in Islamic State Administration: The Documentary Evidence // *Perspectives on Terrorism*. 2015. Vol. 9. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/447/html> (accessed: 15.11.2015).
58. Arquilla John and Ronfeldt David. The Advent of Netwar: Analytical Background // *Studies in Conflict and Terrorism*. 1999. Vol. 22. № 3 (July-September). P. 194–195.
59. Baker P. Wary of Escalation in Syria, US is Waiting Out Putin's Moves [Электронный ресурс] // *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/09/world/wary-of-escalation-the-us-is-waiting-out-putins-moves.html>, 8 October 2015 (accessed: 09.10.2015).
60. Baker P. & MacFarquhar N. Obama Sees Russia Failing in Syria Effort [Электронный ресурс] // *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/03/world/middleeast/syria-russia-airstrikes.html>, 2 October 2015 (accessed: 05.10.2015).
61. Barnard A. & Shoumali K. US-Made Weaponry is Turning Syrian Conflict into Proxy War With Russia [Электронный ресурс] // *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/13/world/middleeast/syria-russia-airstrikes.html>, 12 October 2015 (accessed: 13.10.2015).
62. Borger J. & Inzaurrealde B. West 'Ignored Russian Offer in 2012 to Have Assad Step Aside' [Электронный ресурс] // *The Guardian*. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/15/west-ignored-russian-offer-in-2012-to-have-syrias>

- assad-step-aside, 15 September 2015 (accessed: 16.09.2015).
63. Boyer D. Obama is Adamant: Russian and Iranian Military Meddling 'Won't Work' in Syria [Электронный ресурс] // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/16/obama-adamant-russian-and-iranian-military-meddling/>, 16 October 2015 (accessed: 19.10.2015).
64. Boyer D. Iranian Troops Move Into Syria as White House Blames Russia for Worsening Crisis [Электронный ресурс] // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/1/iranian-troops-move-syria-white-house-blames-russi/?page=all>, 1 October 2015 (accessed: 02.10.2015).
65. Boyer D. & Scarborough R. White House Alarmed as Iraq Uses Intelligence Centre Operated by Russia, Iran and Syria: [Электронный ресурс] // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/13/iraq-uses-intelligence-center-operated-by-russia-i/?page=all>, 13 October 2015 (accessed: 14.10.2015).
66. BP Statistical Review of World Energy June 2015 [Электронный ресурс] // BP Official Website. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 20.11.2015).
67. Bull H. The Anarchial Society. A Study of Order in World Politics. NY: Colombia univ. press, 1977.
68. Combs Cynthia. Terrorism in the 21st Century. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 2002.
69. Cooper H., Gordon M. R. & MacFarquhar N. Russians Strike Targets in Syria, but Not ISIS Areas // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/01/world/europe/russia-airstrikes-syria.html>, 30 September 2015 (accessed: 01.10.2015).
70. Engdahl W. Genies and Genocide: Syria, Israel, Russia and Much Oil [Электронный ресурс] // New Eastern Outlook, 26.10.2015. URL: <http://journal-neo.org/2015/10/26/genies-and-genocide-syria-israel-russia-and-much-oil-2/> (accessed: 27.11.2015).
71. Engdahl W. Syria, Turkey, Israel and the Greater Middle East Energy War [Электронный ресурс] // Global Research. Centre for Research on Globalization. 11.10.2012. URL: <http://www.globalresearch.ca/syria-turkey-israel-and-the-greater-middle-east-energy-war/5307902> (accessed: 10.10.2014).
72. Engdahl W. The Secret Stupid Saudi-US Deal on Syria. Oil Gas Pipeline War. The Kerry-Abdullah Secret Deal // Global Research. October 26, 2014. URL: <http://www.globalresearch.ca/the-secret-stupid-saudi-us-deal-on-syria/5410130> (accessed: 24.11.2014)
73. Fahim K. & Samaan M. Violence in Syria Spurs a Huge Surge in Civilian Flight // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/27/world/middleeast/syria-russian-air-strike-refugees.html>, 26 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
74. Galeotti M. West has Lost the Right to Lecture Putin // The Moscow Times. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/west-has-lost-the-right-to-lecture-putin-op-ed/540000.html>, 20 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
75. Gutteridge N. Cowardly ISIS Jihadis Now Hiding in Mosques in Desperate Bid to Escape Putin's Bombers // Express. URL: <http://www.express.co.uk/news/world/610419/Islamic-State-ISIS-jihadis-hiding-mosques-Putin-Russian-airstrikes-Syria>, 7 October 2015 (accessed: 02.11.2015).
76. Howell K. Moscow to US, Allies: 'Prove or Deny' Russia is 'Bombing Civilians' // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/27/moscow-us-allies-prove-or-deny-russia-bombing-civi/>, 27 October 2015 (accessed: 29.10.2015).

77. Howell K. John Kerry: Russian Build Up in Syria 'Could Further Escalate Conflict' // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/sep/5/john-kerry-russian-build-up-in-syria-could-further/>, 5 September 2015 (accessed: 06.09.2015).
78. Hunt M.N. Ideology and U.S. foreign policy. NY: Yale univ. press, 1987.
79. Islamic State mints its own 'Islamic Dinar' coins // Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/islamic-state/11694838/Islamic-State-mints-its-own-Islamic-Dinar-coins.html> (accessed: 25.10.2015).
80. Jawad R. Social Welfare and Religion in the Middle East: A Lebanese Perspective. Bristol: The Policy Press, 2009.
81. Kofman M. How Russia's Gambit in Syria Changes the Game // War on the Rocks. URL: <http://warontherocks.com/2015/09/how-russias-gambit-in-syria-changes-the-game/>, 21 September 2015 (accessed: 05.10.2015).
82. Korinth S. Krone-Schmalz kritisiert mangelnde Pressefreiheit in Deutschland // Telepolis. URL: <http://www.heise.de/tp/artikel/46/46276/1.html>, 15 October 2015 (accessed: 2.11.2015).
83. Marshall J. More Anti-Russian Bias at the NYT [Электронный ресурс] // Consortium News. URL: <https://consortiumnews.com/2015/09/30/more-anti-russian-bias-at-the-nyt/>, 30 September 2015 (accessed: 02.10.2015).
84. Mazzetti M. & Baker P. US is Debating Ways to Shield Syrian Civilians // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/23/world/middleeast/us-considering-ways-to-shield-syrian-civilians.html>, 22 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
85. Mohseni P. Disrupting the Chessboard: Perspectives on the Russian Intervention in Syria, Cambridge (MA): Belfer Centre, Harvard University. October 2015.
86. Month Into Russia's Air Strikes, What has Changed? [Электронный ресурс] // Spacewar. URL: http://www.spacewar.com/reports/Month_into_Russias_Syria_strikes_what_has_changed_999.html, 30 October 2015 (accessed: 30.10.2015).
87. Myers S. L. & Barnard A. Bashar al-Assad Finds Chilly Embrace in Moscow Trip // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/22/us/politics/assad-finds-chilly-embrace-in-moscow-trip.html>, 21 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
88. Myers S. L. & Schmitt E. Russian Military Uses Syria as a Proving Ground, and West Takes Notice [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/15/world/middleeast/russian-military-uses-syria-as-proving-ground-and-west-takes-notice.html>, 14 October 2015 (accessed: 15.10.2015).
89. Nebhay Stephanie. Islamic State-controlled parts of Syria, Iraq largely out of reach – Red Cross [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <http://uk.reuters.com/article/2015/03/13/mideast-crisis-syria-icrc-idUKKBN0M921X20150313> (accessed: 09.11.2015).
90. Nearly 600 Killed in Russian Air Strikes in Syria: Monitor // Spacewar. URL: http://www.spacewar.com/reports/Nearly_600_killed_in_Russian_strikes_in_Syria_monitor_999.html, 29 October 2015 (accessed: 30.10.2015).
91. O'Phobe R. A Media Primer on the Art of Writing Russian Scare Stories // Blogmire. URL: <http://www.theblogmire.com/a-media-primer-on-the-art-of-writing-russian-scare-stories/>, 14 September 2015 (accessed: 16.09.2015).
92. Olsen Matthew G. Remarks as Prepared. Brookings Institution // National Counterterrorism Center. URL: http://www.nctc.gov/docs/2014-09-03_remarks_for_the_brookings_institution.pdf (accessed: 23.11.2015).
93. Payne K. The Media as an Instrument of War // Parameters. 2005, Spring. P. 81–93.
94. Russian Troops 'Fighting Alongside As-

- sad's Army Against Syrian Rebels' // Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/11840713/Russian-troops-fighting-alongside-Assads-army-against-Syrian-rebels.html>, 2 September 2015 (accessed: 03.09.2015).
95. Ryan D., Western Spin Machines Functioning at Full Capacity on Syria // Journalitico. URL: <http://journalitico.com/2015/10/02/western-spin-machines-functioning-at-full-capacity-on-syria/>, 2 October 2015 (accessed: 07.10.2015).
96. Scarborough R., Vladimir Putin's Air War in Syria Could Veer into Collision Course With US // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/sep/30/vladimir-putin-campaign-in-syria-to-hit-targets-be/>, 30 September 2015 (accessed: 01.10.2015).
97. Scarborough R., Russia Outguns US in Syria // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/25/russian-airstrikes-in-syria-target-assad-foes-not-/>, 25 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
98. Sidway Ralph. Report: Turkey collaborating with the Islamic State // Jihad Watch. URL: <http://www.jihadwatch.org/2015/11/report-turkey-collaborating-with-the-islamic-state> (accessed: 28.11.2015).
99. Spiegel: Россия положила конец мировому господству США [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-10-12/Spiegel-Rossiya-polozhila-konec-mirovomu> (accessed: 07.11.2015).
100. Taylor G., Syrian Peace Plan May Hinge on Moscow's Game Plan // Washington Times. URL: <http://www.washington-times.com/news/2015/aug/30/syrian-peace-may-hinge-on-moscows-game-plan/?page=all>, 30 August 2015 (accessed: 31.08.2015).
101. Ullman H., Syria 2015: Spain 1938 or Sarajevo June 1914? // UPI. URL: http://www.upi.com/Top_News/Analysis/de-Borchgrave/2015/10/19/Syria-2015-Spain-1938-or-Sarajevo-June-1914/8941444843241/, 19 October 2015 (accessed: 20.10.2015).
102. Urban M., Russia's Syria Intervention: One Month In // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-34658292>, 29 October 2015 (accessed: 30.10.2015).
103. Weiss M., Russia Puts Boots on the Ground in Syria // The Daily Beast. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2015/09/01/russia-puts-boots-on-the-ground-in-syria.html>, 1 September 2015 (accessed: 03.09.2015).
104. Whitney M., Putin's "Endgame" in Syria // Counterpunch, <http://www.counterpunch.org/2015/10/09/putins-endgame-in-syria/>, 9 October 2015 (Accessed: 19.10.2015).
105. راجفنا يف يجرحو ولتق :انابل لاسرع يف (Ливан: убитые и раненые в результате взрыва в Эрсале) [Электронный ресурс] // Аль-Маядин. 05.11.2015. URL: <http://www.almayadeen.net/news/lebanon-rkE> (дата обращения: 06.11.2015).